ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИТОГИ.

ОЧЕРКЪ

ВАРШАВСКАГО ПУБЛИЦИСТА

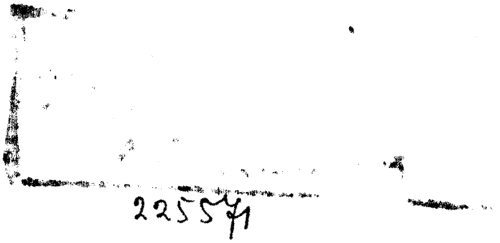
(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.)

РУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПОЛЬШѢ.

ЛЕЙПЦИГЪ:

Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.

1896.


22554

ВВЕДЕНІЕ.

Каково бы ни было нынѣшнее положеніе вещей въ Россіи и какое бы направленіе оно ни приняло въ будущемъ, новый правитель въ государствѣ съ неограниченной властью — это вмѣстѣ съ тѣмъ и *новая эра*. Всѣ сочетанія общественной жизни, всѣ нужды и стремленія вступаютъ въ новый фазисъ, такъ какъ несомнѣнно будутъ подвергаться новымъ вліяніямъ. Если бы даже положеніе въ общемъ осталось прежнимъ, то пути, по которымъ государственныя дѣла будутъ отнынѣ направляться, станутъ иными, разширятся или сузятся, примутъ иной обликъ.

Начало всякаго царствованія, это моментъ итоговъ, ожиданіе перемѣнъ. Эти послѣднія могутъ быть исключительно формальными и не вліять на сущность правленія и на ходъ событій, но во всякомъ случаѣ онѣ произойдутъ. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ всѣ дѣла подвергаются пересмотру и тотъ или другой вопросъ, прежде заброшенный, вспоминается опять руководителями государства и общественнымъ мнѣніемъ. Несомнѣнно, что и польскій вопросъ неоднократно станетъ предметомъ совѣщаній и обсужденій.

Во всей Европѣ считается необходимостью и даже въ Россіи вошло уже въ обычай призывать въ дѣлахъ общественнаго значенія, въ особенности если имѣется въ виду принять какія либо рѣшенія или ввести новыя мѣры, къ совѣщанію или для сообщенія свѣдѣній заинтересованныхъ лицъ, такъ какъ эти послѣднія видятъ различныя стороны вопроса, незамѣтныя съ иной точки зрѣнія. Въ польскихъ дѣлахъ это никогда не практикуется. Рѣшающія сферы вовсе не любопытствуютъ узнать, что мы можемъ чувствовать и чего желать. Въ Петербургѣ не усматриваютъ никакой надобности призывать насъ въ качествѣ свѣдущихъ людей или свидѣтелей. Мы являемся объектомъ извѣстныхъ опытовъ и усилій, жертвами доктринъ, системъ, вѣяній, безъ всякой возможности воздѣйствовать какимъ либо образомъ на понятія и дѣянія экспериментаторовъ. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о насъ Петербургъ считаетъ русскихъ, занимающихъ въ Польшѣ правительственныя долж-

ности, ихъ голоса считаются безусловно заслуживающими довѣрія, ихъ мнѣнія имѣютъ рѣшающую силу. Нужно ли доказывать, что односторонніе свѣдѣнія *не могутъ* не создать ложныхъ взглядовъ на положеніе?

Правительственные дѣятели занимаютъ въ Царствѣ Польскомъ особенное положеніе, и ни ихъ настроеніе относительно польскаго общества, ни отношенія этого послѣдняго къ нимъ не нормальны. Они могутъ видѣть только внѣшнія проявленія жизни, они не въ состояніи понять ни даже подмѣтить перемѣнъ, происходящихъ въ мысляхъ и стремленіяхъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Притомъ же, не слѣдуетъ ли считать весьма правдоподобнымъ, что даже подмѣченное ими понимается, вслѣдствіе особенной точки зрѣнія, совершенно невѣрно?

Вслѣдствіе различныхъ причинъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, представители русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ не питаютъ относительно мѣстнаго населенія сколько нибудь пріязненныхъ чувствъ и прямо не любятъ насъ, часто ненавидятъ, не усматриваютъ никакого повода сочувствовать намъ, думать о нашихъ нуждахъ и т. д. Это фактъ несомнѣнный, не составляющій ни для кого тайны, и едва ли найдется русскій, готовый это отрицать. Оставимъ въ сторонѣ роконыя послѣдствія такого отношенія, крайне чувствительнаго для населенія и конечно не приносящаго никакой пользы государству. Обратимъ лишь вниманіе, что нерасположеніе, а тѣмъ болѣе ненависть не могутъ не извращать взглядовъ, не могутъ не лишать ихъ правильности. Изъ-за того, чтобы дать волю враждебнымъ чувствамъ, чтобы выместить ихъ на нелюбимой націи, чиновники въ Царствѣ Польскомъ нерѣдко теряютъ совершенно изъ виду обще-государственные интересы; такъ какъ они считаютъ себя представителями Россіи и терпѣть не могутъ поляковъ, то убѣждены, что Россія, какъ государство, какъ правительство, должна ихъ ненавидѣть, раздражать ихъ, стѣснять, угнетать, истреблять. Очевидно въ этомъ нѣтъ ни «raison d'Etat», ни политической проницательности, ни даже разумнаго и честнаго служенія государственнымъ интересамъ.

Впрочемъ, не только расовыя и политическія антипатіи, не только пониманіе вкривъ и вкось государственныхъ интересовъ дѣлаютъ изъ русскихъ чиновниковъ Царства Польскаго дурныхъ и по меньшей мѣрѣ недостаточныхъ экспертовъ и совѣтниковъ въ польскихъ дѣлахъ. Тутъ играютъ также роль и *личные ихъ интересы*. Эти чиновники пользуются большими служебными и внѣслужебными привилегіями. Это произошло потому, что ихъ положеніе считается труднымъ, непріятнымъ, опаснымъ, вслѣдствіе враждебнаго настроенія поляковъ относительно правительства и его представителей, равно какъ и вслѣдствіе все еще якобы готовящагося здѣсь бунта. Если бы поэтому населеніе стало солидарно съ государствомъ и начало искренно содѣйствовать видамъ правительства — что несомнѣнно желательно для всякаго государства — то русскіе чиновники, очевидно, лишились бы своихъ нынѣшнихъ исключительныхъ привилегій. Не находится ли такимъ образомъ личный интересъ русскихъ въ явномъ противорѣчіи съ интересами государства?

Если бы съ нами произошла полнѣйшая, наиболѣе желательная для Россіи метаморфоза, то интересъ чиновниковъ побуждалъ бы ихъ утаивать таковую, представлять въ ложномъ свѣтѣ ея проявленія и даже уничтожить ее соотвѣтсвеннымъ образомъ дѣйствій. Конечно, мы далеки отъ мысли, что всѣ русскіе въ Царствѣ Польскомъ подчиняютъ государственные интересы своимъ личнымъ видамъ, но всякій безпристрастный человѣкъ не можетъ не признать, что такой факторъ долженъ оказывать извѣстное вліяніе. Къ тому же имѣются факты, сдѣлавшіеся въ послѣднее время даже очень громкими, что желанію поляковъ засвидѣтельствовать свою лояльность были дѣлаемы затрудненія и когда это не удалось, то старались затаить эти желанія. Такіе факты не составляютъ исключенія. Они у насъ повторяются постоянно, но не всегда объ нихъ узнаютъ.

А вѣдь въ Петербургѣ имѣютъ значеніе и вліяютъ не только невѣрныя донесенія здѣшнихъ чиновниковъ, не только неправильные ихъ совѣты, но также ихъ личныя связи, ихъ родственники, друзья, покровители.

Въ виду всего этого, существуетъ ли для насъ серіозное основаніе говорить объ отношеніи поляковъ къ Россіи и Россіи къ полякамъ, коль скоро насъ никто не спрашиваетъ и можетъ быть никто не пожелаетъ выслушать? По нашему убѣжденію — существуетъ. Здѣсь не можетъ быть мѣста опасенію оскорбить наше національное достоинство, ибо раскрытіе истины не можетъ быть оскорбительнымъ ни для кого и ни для чего. Нашъ голосъ, вѣроятно, не будетъ даже услышанъ русскими. Но это не дѣлаетъ его безполезнымъ. Несомнѣнно, весьма важно, чтобы они ознакомились и поняли истинное положеніе вещей; но мы считаемъ дѣломъ гораздо болѣе важнымъ и неотложнымъ уяснить положеніе себѣ самимъ и оріентироваться въ важнѣйшихъ политическихъ задачахъ. Истинныя жизненныя нужды сами о себѣ дадутъ знать; когда наступитъ соотвѣтствующій моментъ, тогда онѣ обнаружатся въ настоящемъ свѣтѣ. Когда нибудь это должно произойти. Правильное пониманіе положенія необходимо для того, чтобы умѣть имъ пользоваться. Существуетъ слѣдующая русская сказка: Лисица и журавль чувствовали надобность поддержанія добрыхъ взаимныхъ отношеній. Первый понялъ это журавль и посѣтилъ лисицу, но былъ принятъ ею дурно и разсердился; лисица же, одумавшись, пожелала исправить свой промахъ, но журавлъ отплатилъ ей такимъ же пріемомъ. Затѣмъ благоразуміе и добрыя намѣренія овладѣвали попеременно то журавлемъ, то лисицею, но никогда не совпадали, вслѣдствіе чего обоимъ пришлось терпѣть потери.

Нѣчто подобное можно усмотрѣть въ русско-польскихъ отношеніяхъ. На добрыя намѣренія Александра II въ 1861 и 1862 г. мы отвѣтили возстаніемъ, а когда пришла очередь добрыхъ намѣреній съ нашей стороны, то Россія вслѣдствіе страстной предвзятости не желаетъ видѣть и понять своихъ собственныхъ выгодъ. Необходимо, чтобы которая нибудь изъ сторонъ проявила больше политической смышленности, чѣмъ лисица и журавль въ сказкѣ.

I.

Цѣли современной русской политики въ Польшѣ.

Во все время царствованія Александра III дѣятельность русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ выражалась въ отниманіи у поляковъ національныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ, въ болѣе или менѣе рѣшительномъ преслѣдованіи всѣхъ признаковъ польской самобытности. Эта система практикуется и понынѣ во всей ея безпощадности. Доброкачественность и законность ея признаны догматами государственной жизни, Значительное большинство представителей правительства въ Ц. Польскомъ считаютъ безсмысленной утопіей, чуть ли не преступленіемъ не только разговоръ, но даже мысль о какихъ либо коренныхъ перемѣнахъ. Разсмотримъ по возможности безпристрастно, что изъ этого проистекаетъ. Положеніе поляковъ, рязумѣется, ужасно, но извлекаетъ ли при этомъ Россія какія либо выгоды? Прежде всего слѣдуетъ указать, что задачи, предначертанныя правительствомъ, въ Петербургѣ, или же русскими дѣятелями въ Ц. Польскомъ, неосуществимы. Объ этихъ задачахъ мы, поляки, можемъ судить очевидно только по дѣйствіямъ и фактамъ, такъ какъ мы не знаемъ, что думаютъ и какія имѣютъ намѣренія высшія сферы или же непосредственно къ намъ прикосновенныя.

Изъ фактовъ же явствуетъ, что дѣло заключается не въ государственномъ соединеніи Польши съ Россіей, но въ нивелировкѣ, въ отожествленіи не только политическомъ, но и общественномъ, вѣроисповѣдномъ и національномъ. Имѣются факты вовсе не исключительные, что представители правительства считаютъ польскій языкъ элементомъ враждебнымъ имъ и государству и поэтому пытаются искоренить его, обнаруживая вполнѣ ясно стремленіе, чтобы русскій языкъ вытѣснилъ родную рѣчь населенія изъ всѣхъ областей жизни. Польскій языкъ просто-напросто преслѣдуется. Онъ запрещенъ тамъ, гдѣ терпится всякая иная рѣчь. Чиновникъ, имѣющій право на производство, если знаетъ французскій и нѣмецкій языки, можетъ получить отставку, если посмѣетъ заговорить по польски.

Пользованіе польскою рѣчью, если не считается проступкомъ, то навлекаетъ подозрѣнія. Постановленія центральныхъ властей отвели самое ничтожное мѣсто польскому языку въ школѣ. Исполнители этихъ постановленій дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы ограничить преподаваніе польскаго языка до крайнихъ предѣловъ. Основнымъ началомъ и цѣлью преподаванія польскаго языка признано — и это усердно внушается дѣтямъ — лучшее ознакомленіе съ основами языка русскаго. Польскихъ дѣтей у насъ учатъ польскому языку *по русски*.

Глядя на все это, кто же не подумаетъ, что дѣло идетъ о превращеніи поляковъ въ великороссовъ? Имѣются многочисленные факты, что не только духовенство, но и власти усердно занимаются распростране-

ніемъ православія въ кровныхъ католическихъ областяхъ. О результатахъ этихъ усилій пишутся оффиціальные отчеты. Какъ опять не придти къ выводу, что ближайшіе или болѣе отдаленные виды центральныхъ или мѣстныхъ властей состоятъ въ томъ, чтобы населенію навязать православіе? Нѣтъ надобности прибавлять, что существуютъ также усилія, направленныя къ уничтоженію культурной самобытности поляковъ; стараются заставить ихъ забыть или, что еще хуже, проникнуться пренебреженіемъ и омерзеніемъ къ своему историческому прошлому. Мы оставляемъ въ сторонѣ соображенія о справедливости, не касаемся нравственной стороны этой системы и останемся исключительно на политической почвѣ. Чтобы найти безспорную и нейтральную точку зрѣнія, мы готовы допустить, что отъ политики не требуется ничего, кромѣ успѣшности, кромѣ стремленія къ цѣлямъ достижимымъ. Въ исторіи вѣковъ существовали всякаго рода отношенія, всякія формы зависимости одного народа отъ другого, самыя различныя намѣренія и усилія. Исторія не знаетъ, однако же, ни одного, повторяемъ, *ни одного* примѣра, чтобы народъ имѣющій историческое прошлое, собственную культуру и сознаніе своей самобытности, позволилъ себя денаціонализировать. Изъ этого не слѣдуетъ, что этнографическія границы неизмѣнны. Народы сдвигаются съ однѣхъ мѣстностей и надвигаются на другія, здѣсь они отступаютъ, тамъ идутъ впередъ, но исторія не видѣла, чтобы цѣлый народъ живущій въ цивилизаціонномъ мірѣ возможно было пересоздать силою государственной воли. Напротивъ, можно привести много примѣровъ, что нѣтъ власти, которая была бы въ состояніи сломить сопротивленіе народа, нѣтъ средства ни въ политической физикѣ, ни въ политической химіи, при помощи котораго можно было бы пересоздать цѣлое общество, вопреки исторіи, преданіямъ, естественнымъ условіямъ. Кажется даже, что еслибы народъ поголовно истребить, то пришельцы черезъ нѣкоторое время высосали бы изъ почвы, изъ деревьевъ, изъ пепелищъ, чувство нѣкоторой солидарности съ прошлымъ земли, на которой они поселились, создали бы нѣчто отдѣльное и отстаивали бы эту отдѣльность.

Турки не разбирали въ средствахъ и могли стремиться къ ассимиляціи покоренныхъ народовъ совершенно прямымъ путемъ, ихъ не стѣсняли никакія соображенія, не существовало также никакихъ препятствій ни внѣшнихъ ни внутреннихъ. Ренегаты осыпались милостями, упорствующіе въ своей національной самобытности рисковали постоянно своей жизнью и имуществомъ. Произволъ мусульманъ составлялъ законъ. Удалось даже навязать части населенія исламъ. И что же? Чего добились турки послѣ нѣсколькихъ вѣковъ, добились ли они цѣли? Какъ только ихъ могущество ослабѣло, Болгарія оказалась Болгаріей, Сербія Сербіей, Грецію Греціей.

Послѣ Бѣлой Горы чехи, казалось, были доведены до такого безсилія, что должны были неминуемо погибнуть отъ наводненія германскаго. Чешскія библіотеки стали жертвою пламени, учебники чешской грамоты разыскивались и уничтожались, а пользованіе ими преслѣдова-

лось, какъ преступленіе, чешская національность подвергалась униженіямъ и насмѣшкамъ. Побѣдитель боролся не только во всеоружіи государственныхъ мѣропріятій, на его сторонѣ стояло соціальное преобладаніе, а вѣроисповѣдный вопросъ ему не мѣшалъ. Это очень поучительный историческій эпизодъ. Все было придумано, все испытано. Неотступали ни передъ чѣмъ. И что же принесли нѣмцамъ дорого стоящія усилія? Ничего, кромѣ разочарованія, ничего, кромѣ обостренной ненависти, кромѣ напряженной борьбы, и нѣмцы и понынѣ не увѣрены въ побѣдѣ, даже въ областяхъ Богеміи, завоеванныхъ, казалось бы, ими окончательно.

Еще болѣе поучительна исторія денаціонализаціи Ирландіи. Съ настойчивостью и энергіей, не ослабѣвающей въ теченіи семисотъ лѣтъ, англичане пытались истребить ирландскую народность. Самая богатая изобрѣтательность не придумаетъ болѣе способовъ истребленія, чѣмъ тѣ, которые тамъ примѣнялись: огонь, мечъ, разореніе, конфискація, развращеніе — все примѣнялось съ безпримѣрной неуклонностью. Мѣнялись династіи, государственныя формы и правительственныя системы въ Англіи, а насильственность мѣропріятій относительно ирландцевъ неизмѣнно возростала. Ихъ полировали, разоряли, у нихъ отняли родной языкъ, но не были въ состояніи лишить національнаго самосознанія. Во всѣхъ отношеніяхъ перевѣсъ былъ на сторонѣ англичанъ. Англія не разлагалась, какъ Турція, не ослабѣла въ политическомъ отношеніи, какъ Австрія, а тѣмъ не менѣе ирландцы дождались момента, когда дальнѣйшія насилія стали невозможны, когда о національномъ, религіозномъ и политическомъ гнетѣ нѣтъ болѣе рѣчи и все новыя и новыя экономическія уступки не сходятъ съ очереднаго порядка.

Исторія ирландцевъ уже сама по себѣ является достаточнымъ доказательствомъ, что денаціонализація — дѣло неосуществимое человѣческими руками. *Это борьба съ природой*, въ которой человѣкъ заранѣе приговоренъ къ неизбѣжному пораженію.

Предположеніе, что польская національность слабѣе другихъ, было бы произвольно; оно ничѣмъ не доказано. Простой польскій народъ въ Силезіи не поддавался въ теченіе четырехсотъ лѣтъ сильнѣйшему германскому натиску, не смотря на то, что силою сопротивленія онъ обязанъ не сознанію національной самобытности, такъ какъ вслѣдствіе историческихъ судебъ онъ не могъ его имѣть, а единственно благодаря стихійной силѣ отпора, какъ у болгаръ, сербовъ, чеховъ. Въ теченіе вѣковъ германизмъ совершалъ набѣги на земли Великой Польши и на провинціи съ польскимъ населеніемъ, именуемыя Западной и Восточной Пруссіей, и въ наши дни онъ имѣлъ основаніе разсчитывать, что дѣло онѣмеченія можетъ быть далеко подвинуто впередъ. Какъ предшественники кн. Бисмарка, начиная съ Фридриха Великаго, такъ и самъ желѣзный канцлеръ были слишкомъ опытными, слишкомъ проницательными государственными дѣятелями, чтобы строить свои планы исключительно на однихъ пожеланіяхъ, на фантазіи, безъ холоднаго расчета, безъ серьезной вѣроятности, что ихъ замыслы осуществимы. Они знали, что

одними законоположеніями, однимъ стремленіемъ жаднаго германизма никогда не были бы въ состояніи вытѣснить мѣстный элементъ, прикрѣпленный къ землѣ въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ. Они болѣе разсчитывали на чрезвычайно благопріятныя естественныя условія и государственными мѣрами желали лишь ускорить процессъ, совершающійся самъ по себѣ.

Нельзя не признать, что если подобныя разсужденія не представляли самой истины, то имѣли всѣ ея признаки. Въ эпоху раздѣла Польши великопольскіе и прусскіе города были на половину онѣмечены, острова нѣмецкой колонизаціи заходили далеко вглубь Польши, какъ форпосты. Колонизація направляемая къ востоку, казалось какъ бы естественной необходимостью вслѣдствіе слишкомъ большой густоты населенія на западѣ. Могущественная государственная власть поощряла переселеніе. Колонистъ нѣмецъ имѣлъ перевѣсъ надъ сосѣдомъ полякомъ вслѣдствіе высшей ступени гражданственности, вслѣдствіе большей бережливости, трудолюбія и настойчивости. Польская собственность была лишена самой необходимой государственной опеки, нѣмецкая же — располагала ею въ излишествѣ. Къ тому же наша исторія развивалась въ томъ направленіи, что центръ тяжести переносился на востокъ, вслѣдствіе чего приливъ національной жизни въ западныя области былъ незначителенъ. Можно ли придумать условія болѣе благопріятствующія денаціонализаціи? Можно ли было основывать на чемъ либо надежду, что онѣмеченіе не осуществится быстро и легко?

Мало этого. Историческій моментъ былъ для насъ роковымъ. Національная литература, французская революція, наконецъ Наполеоновскія войны разбудили нѣмецкій народъ отъ летаргическаго сна, вызвали въ немъ стремленіе къ единству и могуществу. Его усилія увѣнчались торжествомъ, превзошедшимъ ожиданія національныхъ поэтовъ, возросъ вслѣдствіе этого и патріотизмъ, народный духъ сталъ сильнѣе, силы увеличились. Въ то же самое время насъ, поляковъ постигали бѣдствія за бѣдствіями и не могли разумѣется не ослабить насъ, не уменьшить способностей къ отпорнымъ дѣйствіямъ. Не смотря на все это можно ли считать германизацію вполнѣ удавшеюся хотъ въ одномъ уѣздѣ? Нѣтъ. Получилось нѣчто совсѣмъ противоположное, чего никто не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть. Сами нѣмцы признаютъ, что германизмъ въ восточныхъ окраинахъ германской имперіи отступаетъ. Профессоръ берлинскаго университета Р. Бэкъ (Böckh) высчиталъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, что нѣмецкій элементъ за 29 лѣтъ (1861—90) сталъ относительно слабѣе въ Познани и Западной Пруссіи на три съ половиною процента, въ бромбергскомъ регенствѣ на четыре съ половиною процента а въ познанскомъ болѣе, чѣмъ на семь процентовъ.

И это еще не все. Въ ту самую эпоху, которая должна была сдѣлаться свидѣтельницей ассимиляціи польскаго элемента въ Прусскомъ королевствѣ, возродилось національною жизнью польское населеніе Силезіи, позабытое прочими поляками и низведенное нѣмцами до положенія обездоленнаго простонародія. Трепетъ національнаго самосознанія начи-

наетъ уже проникать въ массу восточно-прусскихъ мазуровъ, которыхъ праотцы вовсе не входили въ составъ населенія польскаго государства. Вармійскій округъ начинаетъ давать доказательства, что ему памятны историческіе узы съ Польшею и становится въ ряды національныхъ борцовъ. Защита національной самобытности пріобрѣтаетъ болѣе широкій базисъ, усиливается многочисленными неожиданными соратниками. Подъ напоромъ преслѣдованій національное самосознаніе ростетъ въ массахъ, упрямство сопротивленія становится интенсивнѣе и готово пережить всѣ испытанія. Какое поученіе извлекаютъ нѣмцы изъ этихъ фактовъ? Навѣрное, убѣдившись въ безплодности своихъ усилій, желаютъ отказаться отъ образа дѣйствій, который обижая однихъ, ничего не даетъ другимъ, который расходуетъ силы двухъ націй на безплодную борьбу? Навѣрное они отрекутся отъ политики, которую черезъ двѣсти лѣтъ ихъ собственные историки запятнаютъ, потому что она противна цивилизаціи, не ведетъ къ цѣли, опирается на ложномъ пониманіи соціальныхъ законовъ, порождена заблужденіями и въ свою очередь сама ихъ порождаетъ? Навѣрное пожелаютъ уничтожить слѣды своихъ дѣяній по нынѣшнее время, чтобы ихъ правнукамъ нечего было стыдиться? Нынѣшніе англичане много дали бы за то, чтобы вырвать изъ своей исторіи страницы, запятнанныя кровью и слезами ирландцевъ, безъ всякой для себя пользы и даже ко вреду самихъ же англичанъ; они готовы были бы затаить передъ суровымъ приговоромъ цивилизаціи и исторіи имена, опозоренныя насиліемъ.

Увы, это не такъ легко. Слѣпой шовинизмъ нѣмцевъ не въ состояніи замѣтить истины. Онъ не видитъ дѣйствительныхъ послѣдствій своихъ дѣяній, усиливающіяся сопротивленія возбуждаютъ въ немъ только страсть. Неуспѣхъ является для него хлыстомъ и шпорою. Онъ не замѣчаетъ своего безумія, не признаетъ своего заблужденія, во всемъ обвиняетъ жертву, ея устойчивость вмѣняетъ ей въ преступленіе. И вотъ изобрѣтаются еще болѣе стоющія, еще болѣе дикія и еще менѣе успѣшныя средства уничтоженія.

Наводненіе Польши волнами русскихъ чиновниковъ требуетъ прежде всего количества, о качествѣ же, объ умственномъ и нравственномъ цензѣ никто не заботится, поэтому терпимость глупостей и порчи становятся необходимостью. Вслѣдствіе этого чиновничій организмъ въ Ц. Польскомъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ много разлагающихъ элементовъ, чтобы онъ былъ въ состояніи стать крупной силой и совершить что либо значительное, приносящее государству замѣтную пользу. Ничто въ природѣ не пропадаетъ. Худое сѣмя разростается обыкновенно обильнѣе хорошаго. Настойчиво, часто и искусно скрываемыя начальниками злоупотребленія въ чиновничьей сферѣ, какъ нарывы, выступятъ раньше или позже наружу и скажутся общею немощью. Это не все. Русскій чиновникъ мельчаетъ, здѣсь на польской почвѣ, уже во второмъ поколѣніи. Таковъ неизбѣжный результатъ чрезмѣрной привилегированности. Привилегія лишаетъ людей предпріимчивости, добросовѣстности и энергіи. Сынъ русскаго чиновника, появляясь въ Польшѣ

на свѣтъ Божій, приноситъ съ собою готовую пенсію. Въ школѣ ему нѣтъ надобности прилежно учиться. Со вступленіемъ въ университетъ онъ обезпеченъ стипендіей. Для него доступны всѣ должности. На службѣ онъ живетъ беззаботно, потому что, потерявъ одно мѣсто, сейчасъ же получаетъ другое. Вѣдь нельзя же, чтобы русскій умиралъ здѣсь съ голоду. Нельзя равнымъ образомъ, чтобъ русскій былъ подвергнутъ уголовному наказанію, потому что національное самолюбіе не позволяетъ опозоривать русское имя въ польской средѣ. Такимъ образомъ на нимъ обезпечена безнаказанность. Идущія столь далеко привилегіи неминуемо портятъ людей, притупляютъ ихъ нравственно и умственно. Русскіе, вдумывающіеся въ это положеніе не могутъ не признать, если будутъ искренны, что имъ нельзя дождаться дѣльнаго русскаго элемента въ Польшѣ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Притомъ же, если новоприбывающій изъ Россіи въ состояніи вѣрить до извѣстной степени въ свою миссію и идеализировать свою дѣятельность, то его сыну останется или уѣхать отсюда, отказываясь отъ всѣхъ преимуществъ, которыя даютъ ему національность и вѣроисповѣданіе, или же сдѣлаться циникомъ, издѣвающимся въ душѣ, а иногда и открыто надъ своею дѣятельностью. Зная поляковъ, онъ не можетъ питать къ нимъ той ненависти, которою проникнуты иные русскіе въ Россіи, благодаря разсказамъ и выдумкамъ. Онъ видитъ, что разсказы о тяжелыхъ условіяхъ для русскихъ въ Польшѣ и о преслѣдованіи — сущій вымыселъ, поддерживаемый въ личныхъ видахъ, ради корыстнаго сохраненія безграничныхъ привилегій. Въ виду всего этого русскій элементъ у насъ долженъ быть подкрѣпляемъ все новыми и новыми прищельцами, которые не знаютъ отношеній, потребностей среды, а понимаютъ лишь одно, что съ поляками слѣдуетъ обращаться строго, ибо такова задача каждой должности, ибо это обезпечиваетъ благосклонность начальства и даетъ разныя льготы. Что задача денаціонализаціи можетъ крѣпко засѣсть въ головѣ какого либо фанатика или невѣжественной административной пѣшки — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Денаціонализація кажется на первый взглядъ очень легкимъ дѣломъ: нѣсколько повелѣній, нѣсколько запрещеній, усердное сооруженіе церквей, обращеніе кого бы ни попало на лоно православной церкви, и кажется, будто дѣло съ каждымъ годомъ подвигается впередъ. Такъ обольщались нѣмцы, такъ обольщались англичане, отчего же не обольщаться русскимъ? Но въ виду собранныхъ исторіей опытовъ, такого рода произвольныя мнѣнія, опирающіяся на фантазіи, на предположеніяхъ и внѣшнихъ признакахъ — недостаточны для государственнаго человѣка; онъ долженъ смотрѣть на дѣло глубже, цѣнить положеніе, основываясь на болѣе объективныхъ указаніяхъ и доказательствахъ. Государственный человѣкъ не долженъ, не можетъ при худшихъ условіяхъ испытывать средства, которыя оказались неудачными при наилучшихъ условіяхъ. Кто подчиняется увлеченію собственной или общественной страсти, кто стремится къ неосуществимой фикціи или утопіи, тотъ напрасно потеряетъ время, трудъ и дарованіе, причинитъ много страданій и не подойдетъ ближе къ цѣли,

но удалится отъ нея. Польскій вопросъ, разрѣшаемый Россіей, по нынѣшнему способу, неразрѣшимъ. Этимъ путемъ можно его затушевать, осложнить, но не разрѣшить. При самыхъ тяжелыхъ условіяхъ народъ переживетъ единичныя личности и всякаго рода системы.

Несомнѣнно, первые представители русскаго правительства и Россіи, присланные въ Польшу въ 1863 г., съ Милютинымъ во главѣ, не преслѣдовали задачи денаціонализаціи, а имѣли лишь въ виду искоренить духъ сепаратизма и вражды къ государству — духъ, неоднократно проявлявшійся въ стремленіяхъ освободиться отъ политической зависимости.

Крайне странно, что народъ мыслителей недостаточно еще проникнутъ истинами, которыя давно уже раскрыты, именно, что несправедливость деморализируетъ тѣхъ, кто ее примѣняетъ, что нація, стремящаяся развратить другую націю, прививаетъ ядъ въ свой собственный организмъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ Германіи никогда не было недостатка въ личностяхъ и даже цѣлыхъ патріяхъ съ благороднымъ настроеніемъ и яснымъ умомъ. Эти личности, эти партіи выдвигали всегда сильные аргументы и сурово порицали образъ дѣйствій правительства и національнаго шовинизма въ польскихъ областяхъ. Германскій имперскій парламентъ выразилъ рѣзкое порицаніе за массовое выселеніе поляковъ, что свидѣтельствуетъ о здравыхъ элементахъ въ нѣмецкомъ народѣ. Добрыя начала являются зерномъ для будущихъ, болѣе благопріятныхъ отношеній между народами. Исторія занесетъ ихъ въ свои скрижали, а будущія поколѣнія запомнятъ ихъ и превознесутъ, чтобы уменьшить позоръ дурныхъ сторонъ и господствующаго нынѣ неразумнаго національнаго эгоизма. Въ прошломъ Галиціи подъ скипетромъ Габсбурговъ были моменты не теряющіе своего ужаса въ сравненіи съ кровавыми турецкими насиліями въ Сербіи или съ жестокостью англичанъ въ Ирландіи. А такъ какъ гнетъ производился въ области находящейся въ состояніи крайняго упадка, въ бѣдномъ и темномъ краѣ, населенномъ двумя національностями, которыя легко было возбуждать другъ противъ друга, то мечты о лучшей участи, объ освобожденіи отъ нѣмецкаго гнета были странными и даже безсмысленными. Людей, зараженныхъ такими мечтами нетолько упрятывали въ крѣпости, но считали ихъ сумасшедшими. Между тѣмъ достаточно было 10—15 лѣтъ измѣнившихся условій, чтобы стереть слѣды политическаго хозяйничанья нѣмцевъ. Если нынѣ послѣ двадцати пятилѣтней новой жизни отъ нихъ что либо осталось, то развѣ горькія воспоминанія о страданіяхъ и произволѣ, которыя встаютъ мрачными привидѣніями и портятъ отношенія между областью и государствомъ. Принявъ все это въ соображеніе, поставимъ теперь вопросъ, имѣетъ ли какіе либо шансы на успѣхъ передѣлываніе Польши въ Великоруссію?

Благопріятныхъ условій, какія мы нашли на Балканскомъ полуостровѣ, въ Богеміи, въ Ирландіи, въ Познани, даже въ Галиціи, здѣсь нѣтъ. О колонизаціи не можетъ быть и рѣчи. Польскія земли не прилегаютъ къ мѣстностямъ съ великорусскими крестьянами, которыхъ, надо

замѣтить, никакія экономическія побужденія не могутъ привлекать на западъ, гдѣ трудъ гораздо тяжелѣе, гдѣ населеніе гуще и почва неблагодарна, тогда какъ богатый востокъ для нихъ открытъ, манитъ ихъ къ себѣ и притягиваетъ.

II.

Средства, которыми располагаетъ Россія для достиженія своихъ нынѣшнихъ задачъ въ Польшѣ.

Для достиженія своихъ задачъ въ Польшѣ Россія въ состояніи употреблять однихъ лишь чиновниковъ. Можно ли при помощи этой силы денаціонализировать и лишить исповѣдуемой въ продолженіи вѣковъ религіи многочисленный народъ?

Армія чиновниковъ сумѣетъ усердно искоренять, сумѣетъ воевать съ полонизмомъ, сумѣетъ совершать разныя дѣянія, именуемыя распространеніемъ русскаго дѣла на окраинахъ, сумѣетъ ненавидѣть насъ и обижать, но ничего положительнаго не совершитъ, и не подвинетъ на шагъ осуществленія предначертаній.

Людей соотвѣтствующихъ требованіямъ умственнымъ и нравственнымъ — людей убѣжденія и труда — государство можетъ поставлять только на высшія должности въ Польшѣ. Толпы чиновничьей мелюзги наплываютъ сюда исключительно благодаря льготнымъ условіямъ: здѣсь не требуются служебныя права, тутъ на прошлые и даже на будущіе грѣшки будутъ смотрѣть сквозь пальцы, здѣсь оклады крупнѣе, объемъ власти обширнѣе и на каждомъ шагу соблазняетъ своими манящими сторонами привилегированность положенія. Живыя, отдѣльныя силы русскаго народа не придутъ завоевать Польши да и не могутъ придти. Возможно ли, чтобы чиновничья армія достигла при условіяхъ несравненно болѣе трудныхъ того, чего не могла совершить въ продолженіе вѣковъ вся энергія нѣмцевъ, которая боролась за землю и воздухъ, того, передъ чѣмъ оказались безсильными англичане въ Ирландіи, овладѣвшіе однако же въ весьма непродолжительное время Сѣверной Америкой и Австраліей?

Тѣже первые дѣятели имѣли въ виду вселить въ польское населеніе симпатію къ государству. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ страстей, ненависти къ полякамъ, эта цѣль была уже потеряна изъ виду и началась погоня за неуловимой иллюзіей.

И вотъ, эти слишкомъ тридцать лѣтъ — время потерянное. Вопросъ остается въ прежнемъ положеніи. Все, что должно было быть устранено, существуетъ понынѣ. Дѣло едва ли не обстоитъ хуже. Въ былое время польскій элементъ самъ держался въ сторонѣ отъ солидарности съ государствомъ, нынѣ его усердно удаляютъ отъ государства

русскіе же. Когда наступитъ моментъ отрезвленія, все надо будетъ начинать наново. Весьма сомнительно поэтому, будетъ ли Россія современемъ признательна нынѣшнимъ патріотическимъ якобы дѣятелямъ въ Польшѣ. Законодательство и правительственные административные пріемы, безпрестанно раздражающіе чувства областей, которыя по населенности своей составляютъ десятую часть государства, а по степени культуры далеко не занимаютъ послѣдняго мѣста — такіе законоположенія и пріемы, которые нарушаютъ интересы этого населенія, только потому, что оно желаетъ остаться тѣмъ, чѣмъ было въ продолженіе вѣковъ, и дѣлаютъ его врагомъ государства — навѣрно не создадутъ ничего прочнаго, не создадутъ дѣла, удовлетворяющаго требованіямъ здравой политики. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть, исключительное положеніе, въ которомъ находится Польша составляетъ рану въ русскомъ организмѣ. По временамъ организмъ можетъ не чувствовать этой раны, но она всегда наноситъ ему вредъ, а при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ оказаться и опасной. Польскій вопросъ — не только вопросъ внутренній русскаго государства, но и международный, такъ какъ польскій элементъ довольно силенъ въ Австріи и Пруссіи. Да нынѣшняя политика Россіи въ Польшѣ не только безцѣльна и совершенно безполезна, но она приноситъ большой вредъ самой Россіи.

III.

Вредное вліяніе русской политики въ Польшѣ на внутреннее развитіе въ Россіи.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на очевидную истину, часто, однако, игнорируемую русскими, именно, что система управленія и образъ дѣйствій въ одной какой либо части государства не можетъ не отражаться на всемъ государствѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство русскихъ протестовало бы энергически, если бы административные порядки, практикуемые въ Польшѣ, принялись въ центральныхъ губерніяхъ. И вотъ эти же русскіе смотрятъ равнодушно на совершающееся у насъ и даже можетъ быть содѣйствуютъ упроченію системы, въ томъ убѣжденіи, что исключительные законы въ Польшѣ очень полезны для Россіи или по меньшей мѣрѣ не вредятъ ея внутренней жизни. Это большое заблужденіе. Политика денаціонализаціи, опирающаяся на приниженіи цѣлой народности въ нѣсколько милліоновъ, является по существу своему *политикой произвола*. Образъ дѣйствій властей не представляетъ собою въ этомъ случаѣ системы, опирающейся на твердыхъ началахъ, онъ даже не послѣдствіе какихъ либо прочныхъ воззрѣній. Дѣло идетъ о достиженіи цѣли, про которую не говорятъ

даже открыто. Способы достиженія этой цѣли зависятъ отъ особыхъ дарованій и взглядовъ исполнителей. Поэтому послѣднимъ должна быть предоставлена свобода дѣйствій. Всякіе прочные законы и предписанія стѣсняли бы ихъ и затрудняли осуществленіе предначертаній.

Такъ именно дѣло обстоитъ въ Ц. Польскомъ. Уже много лѣтъ ни одно постановленіе центральныхъ органовъ власти, ни одинъ даже царскій указъ не были исполняемы надлежащимъ образомъ. Мѣстныя власти ссылались на нихъ, когда это соотвѣтствовало ихъ видамъ и совершенно игнорировали, когда они имъ мѣшали осуществить какую либо комбинацію. Тутъ невозможно требовать справедливости, защищаться передъ злоупотребленіями. Такова сущность всей системы, потому что за обнародованными законами стоитъ цѣлый лабиринтъ конфиденціальныхъ распоряженій, которыя измѣняютъ уставы и пользуются санкціей высшихъ властей или даже монаршей воли.

Такимъ образомъ врата ко всякимъ злоупотребленіямъ раскрыты настежъ. Когда нѣтъ незыблемыхъ, общеобязательныхъ законовъ и цѣль признается оправдывающею средства, то противъ злой воли, противъ фанатическихъ крайностей и заблужденій, наконецъ противъ глупостей нѣтъ никакого противодѣйствія. Соображеніями о государственной цѣли могутъ быть прикрыты всякія дѣла и дѣлишки, имѣющія въ виду исключительно эгоистическіе интересы. Населеніе деморализируется самими представителями правительства, въ немъ воспитывается убѣжденіе, что уваженіе къ закону не составляетъ обязанности, и что законъ даже, собственно говоря, не существуетъ.

Кто знаетъ мѣстныя отношенія, тому извѣстно, какъ великъ, какъ неограниченъ почти произволъ властей въ Ц. Польскомъ. Это должно быть средствомъ объединенія Польши съ Россіей, въ дѣйствительности же создаетъ обширную автономію, но автономію бюрократіи, автономію всего чиновничьяго механизма и отдѣльныхъ его частичекъ. Самый мелкій чиновникъ, всякій городовой можетъ въ любомъ случаѣ поступать по своему усмотрѣнію, потому что никто не требуетъ отъ него сообразоваться съ предписаніями, а дѣйствовать лишь съ какимъ то духомъ государственныхъ стремленій, имѣющихъ въ виду обрусѣніе поляковъ. Онъ всегда предпочитаетъ излишнее усердіе въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что въ крайнемъ случаѣ его за это мягко пожурятъ, тогда какъ поблажка можетъ лишить его довѣрія начальства, поколебать его репутацію благонадежности. Надо видѣть, испытать на самомъ себѣ, чтобы понять и оцѣнить, до чего дошло у насъ непризнаваніе чиновниками обязательности предписаній закона. Русскій здѣсь просто приходитъ въ негодованіе, если полякъ осмѣливается останавливать ссылкою на законы дѣятельность его — представителя и истаго сына государства. Таковъ результатъ ненормальнаго положенія и привычекъ. Произволъ разросся до чудовищныхъ размѣровъ, онъ вошелъ въ плоть и кровь представителей власти.

Всякій просвѣщенный, хотя бы даже пристрастный русскій, долженъ признать, что это крайне прискорбная ясистема. Онъ можетъ быть

объясняема необходимостью обороны государственныхъ интересовъ, исключительнымъ положеніемъ. Но о внутреннемъ достоинствѣ такихъ мѣръ не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній.

И вотъ, такая то система, несомнѣнно зловредная, устраняющая всякіе законные регуляторы государственной жизни, дѣйствуетъ прямо и косвенно на положеніе дѣлъ въ самой Россіи. Прежде всего не можетъ остаться безъ вліянія на все государство тотъ фактъ, что въ немъ существуютъ законы, хотя и обнародованные въ обязательной формѣ, но носящіе характеръ насилія и не могущіе быть мотивированными ни однимъ изъ тѣхъ началъ, на которыхъ покоится нынѣ государственная жизнь, не говоря уже о требованіяхъ справедливости. Къ такимъ законамъ принадлежатъ навязываніе народу чужого языка даже въ частной жизни, навязываніе вѣроисповѣданія, а также лишеніе, вслѣдствіе какихъ либо политическихъ комбинацій, извѣстной части населенія нѣкоторыхъ правъ, при одновременномъ требованіи отъ него исполненія всѣхъ обязанностей и повинностей.

Въ Ц. Польскомъ такіе законы не только существуютъ и дѣйствуютъ, но чиновничье усердіе безпрестанно и систематически еще переходитъ ихъ ко вреду мѣстнаго населенія. Обходъ законовъ во имя государственнаго блага сознательно терпимъ высшими властями въ государствѣ и въ краѣ, какъ это имѣло мѣсто во времена Александра III и ген. Гурки, и представляется большимъ поощреніемъ и соблазномъ для произвола. Найдется ли русскій, который желалъ бы, чтобы монархъ руководился подобными началами и пріемами при правленіи всѣмъ государствомъ? Очевидно, нѣтъ. Поэтому благоразумно ли въ политическомъ отношеніи, что исключительный образъ дѣйствій въ Польшѣ не возбуждаетъ въ русскихъ опасеній за ихъ собственный интересъ?

Кто не согласится, что извѣстный образъ дѣйствій вліяетъ и на мысль и на стремленія, прививаетъ извѣстный методъ, создаетъ извѣстныя наклонности? Трудно допустить, чтобы природа человѣка могла раздѣляться на двѣ части, вовсе не вліяющія одна на другую. Можно ли поэтому ожидать, что правительство сумѣетъ быть совершенно инымъ для центра государства, чѣмъ для его окраинъ, что въ одномъ оно будетъ точно исполнять то, что нарушаетъ въ другомъ. И наоборотъ, будетъ ли оно въ состояніи преслѣдовать здѣсь то, на что тамъ смотритъ сквозь пальцы и даже къ чему само поощряетъ? Даже то обстоятельство, что правительство мирится съ чиновничимъ произволомъ составляетъ опасность въ самодержавномъ государствѣ и неминуемо должно отразиться на жизни всего государства.

Центральныя власти, извѣстное число высшихъ чиновниковъ распространяютъ свой кругъ дѣйствій и на Ц. Польское и на всю Россію. Эти чиновники пріучаются на дѣлахъ Ц. Польскаго къ роковому началу у правленія безъ всякихъ сдерживающихъ преградъ. Извѣстно, что человѣку ничто не приходится такъ по вкусу, какъ произволъ. Испытавъ его удобства для себя, онъ относится затѣмъ враждебно ко всѣмъ препятствіямъ и старается ихъ устранить или обойти. Этого

мало. Русскіе чиновники изъ Ц. Польскаго переводятся на высшія должности внутрь Имперіи. Здѣшняя практика сформировала ихъ ужъ извѣстнымъ образомъ, и ни одинъ изъ нихъ никогда и нигдѣ не сумѣетъ сдѣлаться инымъ и останется вѣчно наклоннымъ къ безпредѣльному произволу. Такіе чиновники могутъ сдерживать себя болѣе или менѣе смотря по условіямъ, но наклонности эти останутся, будутъ дѣйствовать всегда и при благопріятствующихъ условіяхъ возьмутъ рѣшительный перевѣсъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Дурныя начала и зловредныя наклонности, руководящія управленіемъ польскаго края переносятся въ коренную Россію.

Внутренняя русская реакція заимствовала много изъ практики гнета въ Польшѣ. Нынѣ въ Россіи многочисленные голоса домогаются внесенія въ основы государственной жизни законности, т. е. отношеній, опирающихся исключительно на законоположеніяхъ. Дѣйствительно, безъ этого немыслимъ прогрессъ, невозможна нормальная жизнь. Эта необходимая реформа, требующая соотвѣтственной выработки понятій и упроченія привычекъ, не можетъ быть осуществлена, пока въ предѣлахъ государства есть такой обширный, такой вліятельный, такой могущественный разсадникъ произвола, развращающій представителей власти, независимо даже отъ ихъ воли, наклонностей. Кто пожелалъ бы вникнуть въ русскія отношенія за послѣднее время, тотъ непремѣнно призналъ бы основательность этихъ выводовъ. Произволъ и законность несовмѣстимы. Въ государствѣ, гдѣ господствуетъ произволъ, нѣтъ мѣста для законности и наоборотъ — существованіе законности исключаетъ произволъ. И можетъ ли наконецъ требованіе законности для самихъ себя имѣть силу и значеніе, если оно предъявляется людьми, которые смотрятъ равнодушно на чиновничій произволъ по отношенію къ своимъ согражданамъ и даже поддерживаютъ и защищаютъ этотъ произволъ?

Русскіе публицисты окружаютъ попечительною охраною торжество произвола въ Польшѣ. Рукоплещутъ всякому новому проявленію безправія, побуждаютъ правительство къ дальнѣйшему усердствованію въ этомъ направленіи. Имъ кажется, что каждая ихъ статья вбиваетъ новый гвоздь въ гробъ Польши, прибавляетъ новый кирпичь къ фундаменту русскаго дѣла. Первое можетъ быть и истинно, второе несомнѣнно — самообманъ. Такой поддержкой политики, которая разрушаетъ всякія основы, всякое чувство справедливости, можно только навлечь бѣдствія на свой собственный домъ, создать преграды къ преуспѣянію собственнаго отечества. Именно въ этомъ случаѣ оправдывается представленіе о воздающей Немезидѣ. Дурное сѣмя, посѣвъ ненависти, жажда истребленія порождаютъ равнымъ образомъ дурные всходы.

Внутреннее преуспѣяніе Россіи несомнѣнно тѣсно связано съ урегулированіемъ дѣлъ въ Польшѣ. Пока въ Польшѣ будетъ господствовать чиновничій произволъ, поощряемый голосомъ русскаго общественнаго мнѣнія, до тѣхъ поръ начало законности не будетъ пользоваться уваженіемъ и въ Россіи. Пока въ Польшѣ будетъ существовать питомникъ

заразительныхъ міазмовъ безправія, равнодушіе къ нуждамъ управляемыхъ, бездѣятельность, продажность — до тѣхъ поръ и Россія не можетъ быть вполнѣ здоровымъ государственнымъ организмомъ. Перейдемъ теперь къ внѣшнимъ отношеніямъ.

IV.

Неудобства въ отношеніяхъ Россіи съ иностранными державами вслѣдствіе неурегулированія польскаго вопроса.

Опасность серіозной войны можетъ угрожать Россіи только съ Запада — именно на территоріяхъ съ польскимъ населеніемъ. Едва ли кто нибудь изъ русскихъ способенъ считать благопріятнымъ для Россіи обстоятельство, что именно въ этихъ мѣстностяхъ отношенія не урегулированы, населеніе раздражено, даже доведено до отчаянія всякаго рода притѣсненіями. Повидимому русскіе, сознавая свое могущество, не придаютъ въ настоящее время значенія этому обстоятельству. Польша на ихъ взглядъ такая мелкая величина, что считаться съ нею нѣтъ вовсе надобности. Но прежде всего государства и народы постигаетъ различная судьба. Сколько чрезвычайныхъ, ни коимъ образомъ непредвидѣнныхъ неожиданностей видѣлъ уже девятнадцатый вѣкъ! Развѣ завоеватели Константинополя могли предполагать, что когда нибудь Боснія, Герцеговина, Сербія, Болгарія будутъ играть роль въ международныхъ отношеніяхъ? Предусмотрительная политика никогда не должна пренебрегать врагами и безъ надобности увеличивать ихъ число. Другъ же всегда можетъ пригодиться. При нынѣшнихъ условіяхъ установленіе солидарности между интересами польскаго населенія и интересами русскаго государства могло бы имѣть серіозное и благодѣтельное вліяніе въ области внѣшнихъ отношеній. Только слѣпая ненависть могла быть причиною игнорированія и даже отрицанія этого обстоятельства. Извѣстный французскій политическій писатель, капитанъ артиллеріи Поль Маренъ въ сочиненіи «Français et Russes» (выдержало два изданія) убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ, что союзъ въ Россіей нежелателенъ вслѣдствіе военнаго слабосилія сѣвернаго колосса. Слабосиліе же его обусловливается прежде всего мобилизаціонными затрудненіями. Россія не рѣшится заполнять кадры поляками и посылать ихъ въ первый огонь особенно противъ Австріи. Привозить же солдатъ изъ отдаленныхъ провинцій и одновременно отправлять поляковъ въ полки, формируемые на востокѣ — это задача хлопотливая, медленно осуществляемая и очень затруднительная въ попыхахъ. Особенно въ настоящее время, когда военный аппаратъ сталъ необыкновенно точнымъ механизмомъ, когда едва ли не все зависитъ отъ быстроты — замедленіе и путаница при мобилизаціи можетъ отразиться роковымъ образомъ на всемъ ходѣ войны.

Русскіе стратегики сознаютъ это неудобство и вотъ почему на территоріи Ц. Польскаго нагромождено такое чрезмѣрное количество военныхъ силъ. Недостатокъ резервовъ на мѣстѣ, медленность мобилизаціи предполагается уравновѣсить численнымъ перевѣсомъ линейныхъ войскъ, сравнительно съ сосѣдями. Но въ этой системѣ имѣется очень слабая сторона, именно, что къ затрудненіямъ вслѣдствіе недостатка резерва на западѣ присоединяется недостатокъ кадровъ на востокѣ.

Эти именно соображенія побудили генерала Гурко расходовать милліоны на сооруженіе крѣпостей, привлекать все новые и новые полки въ Ц. Польское. Онъ пытался устранить невыгодныя послѣдствія, но въ то же время питалъ ихъ источникъ.

Въ данный моментъ славянская идея и политика потеряли въ Россіи свое обаяніе, были осуждены оффиціально и неоффиціально, а нѣкоторые органы печати даже часто посмѣиваются надъ ними. Едва ли, однако, этотъ вопросъ уже порѣшенъ. Славянство и славянофильство были слишкомъ много разъ и слишкомъ крупнымъ козыремъ въ игрѣ Россіи и могутъ еще быть имъ, поэтому трудно допустить, чтобы она отказалась отъ него изъ-за одного неуспѣха. Вся внѣшняя политика Россіи направлялась въ эту именно сторону впродолженіе многихъ десятилѣтій, подготовила почву, заняла позицію, израсходовала немало усилій и многого достигла. Отказаться отъ всего этого, разумѣется, невозможно. Въ крайнемъ случаѣ славянская политика Россіи можетъ принять иной обликъ. Это видно впрочемъ и изъ такихъ отзывовъ русскихъ публицистовъ, что дѣло идетъ исключительно о измѣненіи пріемовъ.

Польша, т. е. собственно говоря, отношеніе къ Польшѣ всегда было и должно было быть помѣхой славянской политикѣ Россіи. Польша отсутствуетъ въ концертѣ европейскихъ державъ, по всей вѣроятности она не будетъ играть никакой роли въ случаѣ столкновенія между націями, но въ дѣлѣ престижа и вліянія въ славянствѣ поляки могутъ оказать значительное содѣйствіе въ качествѣ союзниковъ. Съ другой же стороны, являясь жертвой произвола, будучи устрашающимъ примѣромъ, они всегда останутся вредными. Словомъ, если Россіи придется потягаться съ Западомъ въ видахъ ли самообороны или съ наступательными цѣлями, то нынѣшнее ея отношеніе къ полякамъ составитъ для нея неудобство и даже препятствіе. Если же Россія обратитъ свои взгляды и стремленія на Востокъ, котораго пріобрѣтеніе можетъ занять цѣлый рядъ поколѣній, въ такомъ случаѣ прочный миръ на европейской границѣ является необходимымъ условіемъ успѣха, по меньшей же мѣрѣ онъ чрезвычайно желателенъ. И тогда, примиренные съ государствомъ поляки будутъ въ состояніи оказать немаловажныя услуги.

Война — великое бѣдствіе. Въ мѣстности, по которой она пройдетъ, останутся пепелища, могилы, нужда. Населеніе такой мѣстности можетъ желать войны только въ отчаяніи, когда угнетеніе во всѣхъ областяхъ жизни превосходитъ всякую мѣру.

Еще одно соображеніе. На востокѣ, въ Азіи, гдѣ у Россіи имѣются въ настоящій моментъ очень важные интересы, она встрѣчаетъ опаснаго,

настойчиваго противника въ лицѣ Англіи. Испытаннымъ средствомъ является для отклоненія вниманія и силъ Россіи отъ востока обостренія отношеній, создаваніе опасностей или хотябы затрудненій на западной границѣ. Англія отличается въ этомъ большимъ искусствомъ, а такъ какъ она при этомъ имѣетъ за собою поддержку Пруссіи, то легко достигаетъ своей цѣли. Чѣмъ болѣе раскрываются тайны 1863 г., тѣмъ становится очевиднѣе, что кажущееся сочувствіе Англіи для польскаго дѣла, поощреніе возстанія, дипломатическія ноты — все это имѣло въ виду воспрепятствовать союзу Россіи съ Франціей, создать затрудненія русскому правительству, отвлечь его вниманіе, воспрепятствовать установленію въ Польшѣ довольства, и помѣшать примиренію ея съ русской державой. Въ видахъ своей политики Англія не пожалѣла нашей крови и нашихъ страданій, которыя продолжаются уже столько лѣтъ и Богъ вѣсть, сколько времени будутъ еще продолжаться.

Англія вполнѣ достигла своей цѣли. Россія обратилась на западъ и уже болѣе тридцати лѣтъ живетъ иллюзіей національнаго и вѣроисповѣднаго завоеванія своихъ польскихъ областей; на это тратятся силы, которыя могли бы быть употреблены на востокѣ съ инымъ успѣхомъ. Надлежащее отношеніе Польши къ государству ею не установлено, возмущать можно нынѣ, какъ и въ былое время и обладаніе Россіи польскимъ населеніемъ не увеличиваетъ ея силъ, напротивъ уменьшаетъ ихъ.

Если бы даже Россія, пріобрѣтя искреннее расположеніе и вѣрность своихъ подданыхъ польской національности, не получила никакихъ положительныхъ выгодъ, то во всякомъ случаѣ она освободилась бы отъ больного мѣста, которымъ ея сосѣди и соперники пользовались всегда въ случаѣ надобности. Мы очень хорошо знаемъ, что нынѣшнее настроеніе русскихъ и господствующее направленіе въ ихъ взглядахъ не позволитъ имъ признать справедливыми эти соображенія. Весьма вѣроятно даже, что они не пожелаютъ серіозно подумать объ этомъ. Къ тому же это для нихъ не ново, они знаютъ объ этомъ прекрасно, не ставятъ почти ни во что, считаютъ маловажнымъ во внѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ.

Когда исчезнутъ политическія препятствія, соглашеніе Россіи съ поляками можетъ быть полнымъ, искреннимъ и прочнымъ. Нынѣшнее настроеніе и условія къ Галиціи являются косвеннымъ, правда, но краснорѣчивымъ доказательствомъ. Нынѣшнее поколѣніе почти совсѣмъ забыло о томъ, какъ сильно угнетала мѣстныхъ поляковъ жесткая рука австрійской бюрократіи. Тамъ правительство отдѣлено было отъ населенія большею пропастью, чѣмъ въ Россіи, потому что не было такихъ историческихъ моментовъ, какъ созданіе Царства Польскаго, какъ реформы маркиза Велёпольскаго, кромѣ того возбуждало негодованіе кровавое пятно Тарновской рѣзни. Притомъ же Австрія, предоставляя Галиціи удобныя политическія условія, не могла обезпечить за нею экономическаго преуспѣянія, напротивъ и понынѣ надъ этой областью тяготѣютъ промышленность и торговля западныхъ провинцій и государствъ. Въ Россіи простора вдоволь. Тутъ населеніе не отнимаетъ

мѣста другъ у друга, никто не вынужденъ вырывать изъ чужого рта кусокъ хлѣба. Скорѣе можетъ не хватить рабочихъ рукъ, чѣмъ мѣста для труда. Россія въ состояніи дать Польшѣ отличныя условія экономическаго развитія безъ всякой потери для самой себя.

Сосѣди объ этомъ знаютъ. Имъ извѣстно, что если между поляками и русскимъ государствомъ установились бы хорошія отношенія, то общій интересъ и очевидныя выгоды скрѣпляли бы ихъ все сильнѣе и сильнѣе. И Россія стала бы могущественнѣе и польскій элементъ усилился бы. Этого то именно сосѣди и не желаютъ. Поэтому во всякомъ заговорѣ, во всякомъ революціонномъ движеніи дѣло не обходилось безъ прусскаго подстрекательства, которое возбуждало умы и раздражало общественное мнѣніе. Можно подмѣтить руку иностраннаго агента во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ нашей жизни послѣ раздѣла Польши. Каждый разъ, когда послѣ подавленія вспышки, по наказаніи инціаторовъ ея и участниковъ и по водвореніи спокойствія, русское правительство колебалось еще относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій съ поляками — честный прусскій маклеръ подсказывалъ истребленіе и поощрялъ къ нему собственнымъ примѣромъ. Прусскіе происки этого рода имѣютъ уже свою исторію. Не смотря на то, что польскому историку Калинкѣ не всѣ документы были доступны, картина интригъ Бухгольца, Лукезини и Герцберга слишкомъ поучительна въ его сочиненіи. Относительно новѣйшихъ временъ легко найти такія же указанія у русскихъ, даже нѣмецкихъ историковъ. Зибель, оффиціальный историкъ державы Гогенцоллерновъ свидѣтельствуетъ, какъ сильно безпокоились въ Берлинѣ, когда Велёпольскій вводилъ въ жизнь примирительную политику и старался привлечь поляковъ на сторону Россіи. Изъ трудовъ Зибеля можно убѣдиться, какія усилія были пущены въ ходъ въ Берлинѣ, чтобы разрушить начинанія великаго государственнаго человѣка.

Горе въ томъ, что и полякамъ трудно уберечься отъ западни и Россія не въ состояніи во время разглядѣть, какъ дѣйствуетъ этотъ факторъ. Но слѣдовало бы помнить, что онъ всегда находится на лицо, что Пруссія безпрестанно вмѣшивается въ польско-русскія отношенія и направляетъ ихъ такъ, чтобъ извлекать изъ нихъ выгоды. Еслибъ это не упускалось изъ виду, то обѣ стороны могли бы избѣжать многихъ ошибокъ и неудавшихся усилій. Перемѣна образа дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ обезсилила бы несомнѣнно происки нѣмцевъ, зловредные обоимъ славянскимъ народамъ.

V.

Причины нынѣшней русской политики въ Польшѣ.

Почему, однако же, Россія придерживается своей нынѣшней политики относительно насъ уже болѣе тридцати лѣтъ, не смотря на то, что не

достигаетъ намѣченной цѣли, раздражаетъ собственныхъ подданныхъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ вѣрными слугами государственныхъ интересовъ, создаетъ преграды во внутреннемъ развитіи русскаго народа и лишаетъ себя нѣкоторыхъ выгодъ для международныхъ отношеній? Это произошло прежде всего вслѣдствіе національныхъ страстей, которыя овладѣли русскимъ обществомъ съ 1863 г. Тогдашнее поколѣніе не принимало участія въ раздѣлѣ Польши, оно получило польскія области въ наслѣдствѣ отъ дѣдовъ, оно не могло сознавать обязанности возвращенія ихъ, потому что этого никто никогда не дѣлалъ безкорыстно и въ сущности никто никогда и ни отъ кого не требовалъ. Но настроеніе относительно поляковъ въ русскомъ обществѣ было въ началѣ царствованія Александра II прекраснымъ: насъ любили и удостоивали довѣрія, Россія переживала тогда чудную эпоху великихъ надеждъ наканунѣ первыхъ разочарованій. Во имя этихъ надеждъ проявлялись симпатіи къ полякамъ, въ которыхъ русскіе видѣли союзниковъ для шествованія по новымъ жизненнымъ путямъ.

Наше возстаніе было первымъ разочарованіемъ, первой трещиной въ храмѣ надежды. Оно извратило реформы, можетъ быть даже остановило ихъ, давъ перевѣсъ реакціоннымъ элементамъ. Для внутренняго развитія Россіи польское возстаніе было несомнѣнно чувствительнымъ ударомъ. Мало того. Возстаніе стремилось оторвать отъ Россіи всю западную полосу до Двины и Днѣпра и для осуществленія этого желанія стремилось создать коалицію западныхъ державъ болѣе опасную, чѣмъ въ 1853 г. Былъ моментъ, когда Россія могла опасаться, что это дѣйствительно произойдетъ. Возстаніе разорвало узы начинавшейся дружбы съ Франціей, вынудило Россію принять нежелательную помощь Пруссіи, заставило терпѣть въ продолженіе нѣкотораго времени оскорбительный тонъ иностранной дипломатіи.

Когда мы сопоставимъ дружественное настроеніе до возстанія съ тѣмъ, что произошло впослѣдствіи, то несомнѣнно мы сумѣемъ понять гнѣвъ и взрывъ ненависти русскаго общества. Но это только одна сторона вопроса. Гнѣвъ и ненависть должны были вызвать немедленныя послѣдствія, роковыя для побѣжденныхъ. Но они ни въ какомъ случаѣ не должны были служить постоянной основой для русской политики въ Польшѣ. Ненависть была возведена въ совѣтницы, ненависть была признана проявленіемъ политической мудрости и была сдѣлана характерною чертою русскаго патріотизма, ненависть выдавалась за догматъ политической жизни. Послѣдствія не могли быть иными, какъ ложная оцѣнка положенія и усилія, не ведущія къ цѣли.

Прежде всего ненависть помѣшала русскимъ понять суть желаній, побужденій и душевнаго настроенія поляковъ. Въ виду уступокъ, сдѣланныхъ въ 1861 и 1862 г., въ возстаніи усмотрѣли проявленіе неблагодарности и безразсуднаго, безцѣльнаго политическаго авантюризма, поляковъ признали неисправимыми, непримиримыми врагами русскаго государства. Въ продолженіе 32 лѣтъ русское общественное мнѣніе не подвинулось ни на одинъ шагъ впередъ отъ этого воззрѣнія. Если мы

требуемъ безпристрастной оцѣнки чужихъ чувствъ и дѣйствій — отъ насъ самихъ, отъ побѣжденныхъ, отъ безпрестанно угнетаемыхъ все сильнѣе и сильнѣе и доведенныхъ этимъ гнетомъ чуть ли не до отчаянія — то насколько же справедливѣе требовать отъ русскихъ спокойнаго, чуждаго страсти обсужденія вопроса, по прошествіи тридцати лѣтъ и въ такой именно моментъ, когда польскій вопросъ вовсе не напоминаетъ о себѣ чѣмъ либо раздражающимъ или возбуждающимъ безпокойство. Возстаніе вовсе не было послѣдствіемъ злости или глупости. Это историческій фактъ и причины, вызвавшія его, очень многочисленны и сложны, ихъ не легко узнать и оцѣнить, потому что большая ихъ часть коренится въ отдаленномъ прошломъ. Тысячелѣтіе независимаго существованія — это не такой мелочный фактъ, чтобы вліяніе его могло быть устранено нѣсколькими годами болѣе благопріятныхъ условій политической жизни. Память о прошломъ, въ которомъ не было недостатка въ блистательныхъ моментахъ — это большая сила. Она порождала нетерпѣніе, возбуждала стремленія, разжигала страсти и противодѣйствовать ей можетъ только убѣжденіе, добытое продолжительными и суровыми испытаніями, когда померкнетъ послѣдній лучъ надежды на возвращеніе того лучезарнаго прошлаго. Исторія навязываетъ обязанности, которыя нужно исполнять, которыя должны быть исполнены.

Отказаться сразу и добровольно отъ національной независимости, неисчерпавъ всѣхъ средствъ, могъ бы только народъ, находящійся въ послѣдней стадіи нравственнаго разложенія. Нѣтъ народа, который не попытался бы бороться, хотя-бы и безъ основательной надежды на побѣду. Гдѣ же можно найти страну, гдѣ бы воспоминаніе о подобной борьбѣ не окружалось величайшимъ почетомъ? Борьба за независимость признана исторіей и поэзіей блистательнѣйшими историческими моментами. Въ русской исторіи имѣются такіе моменты, Россія ихъ помнитъ и чтитъ ихъ и въ то же самое время считаетъ польское возстаніе неизгладимымъ преступленіемъ. Столь превратное сужденіе можетъ проистекать только отъ ненависти: она одна въ состояніи помутить до такой степени зрѣніе, затушевать истину, она одна способна привести человѣческій умъ къ такимъ поразительнымъ непослѣдовательностямъ.

Въ 1861 и 1862 годахъ общія историческія причины, толкавшія поляковъ въ возстаніе, совпали съ цѣлой комбинаціей иныхъ благопріятствующихъ условій. Это былъ послѣдній моментъ разцвѣта политическаго романтизма, то была эпоха мечтаній. Тогда и во Франціи и въ Германіи и въ Россіи мечтали о новой эрѣ политической жизни народовъ. Не былъ ли мечтателемъ въ сферѣ общественныхъ идеаловъ Александръ Герценъ, котораго читала вся Россія, упиваясь его иллюзіями? Мечты итальянцевъ, очень похожія на польскія чаянія и считавшіяся немного раньше безсмысленной утопіей, были осуществлены. Польскія мечтанія раздувались и поддерживались демагогами, поэтами, министрами, монархами Западной Европы. Кто пожелаетъ безпристрастно возсоздать въ своемъ воображеніи тогдашнее настроеніе умовъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, тотъ пойметъ, что искушеніе было

слишкомъ сильно и никакой народъ не былъ бы въ состояніи устоять. Наступилъ моментъ казавшійся исключительно благопріятнымъ, казалось, что если имъ не воспользоваться, то придется проститься на всегда съ мыслью о независимомъ отечествѣ, а тогда національное существованіе понималось не иначе, какъ въ собственномъ независимомъ государствѣ. Возстаніе было политическимъ заблужденіемъ, которое не должно повториться. Оно было ужаснымъ бѣдствіемъ, огромнымъ несчастіемъ — все это совершенно вѣрно, но побужденія къ нему, но психологическое состояніе польскаго общества въ тотъ моментъ должны быть признаны общепонятными и оправданы. Взрывъ ненависти русскихъ послѣ 1863 г. стоилъ намъ много крови, исторгъ у насъ много слезъ и понынѣ продолжаетъ исторгать, много горя навлекъ на польскую землю, но Россіи онъ принесъ не пользу, а вредъ. Это не политическая теорія придуманная ad hoc, это — наше искреннее глубокое убѣжденіе, основанное на наблюденіяхъ и размышленіяхъ о томъ, что у насъ творится и что изъ этого проистекаетъ.

VI.

Какія послѣдствія могла бы имѣть перемѣна русской политики въ Польшѣ?

Намъ остается еще разсмотрѣть, нѣтъ ли основательныхъ причинъ, препятствующихъ измѣненію нынѣшней политики въ Польшѣ. Намъ кажется, что противъ такой перемѣны можно выставить съ русской точки зрѣнія только два соображенія: опасенія новаго возстанія и опасенія слишкомъ большаго усиленія польскаго элемента сравнительно съ русскимъ. Въ русской печати а также въ отзывахъ русскихъ чиновниковъ можно часто встрѣтиться съ доводомъ: такъ какъ поляки возставали уже два раза, то они уже подумываютъ или скоро примутся думать о третьемъ возстаніи. Но это плохой силлогизмъ. Возстанія, повторяемъ, не были чѣмъ то специфически польскимъ, какъ это полагаютъ очень многіе русскіе. Они вызывались постоянными историческими причинами въ связи съ временными измѣнчивыми условіями. Историческія причины, именно желаніе возсоздать потерянную независимость, несомнѣнно ослабѣли, даже парализированы убѣжденіемъ, что эти радужныя мечты уже не могутъ быть осуществимы. Новыя вліянія не только иныя, но они прямо противоположны преданіямъ эпохи 60-хъ годовъ.

Прежде всего — и это главное — разсѣялись иллюзіи романтизма. Нынѣ никто уже не вѣритъ въ безкорыстный крестовый походъ съ Запада на Россію ради возсозданія Польши. Никто не относится свысока къ числамъ выражающимъ дѣйствительную силу. Мы уже не усматриваемъ единственной мощи въ духовномъ порывѣ, а себя мы не считаемъ преимущественными носителями этой мощи. Нынѣ мы знаемъ, что вся

подчиняется извѣстнымъ незыблемымъ законамъ и никакой энтузіазмъ не создаетъ чудесъ. Нынѣ никто не самообольщается мечтами, что кулаками можно взять у непріятеля оружіе, а ружьями — пушки; никто равнымъ образомъ, не исключая и самыхъ крайнихъ элементовъ, не вѣритъ въ возможность побѣды въ войнѣ съ Россіей. При этомъ мы слишкомъ хорошо помнимъ, какія страшныя бѣдствія влечетъ за собою пораженіе. Кромѣ того сама жизнь создала факторы, вліяющіе въ томъ же направленіи. Послѣ 1863 г. въ Польшѣ возникла промышленность, разрослась торговля. За эти 30 лѣтъ они пріобрѣли значеніе, представители же ихъ — вліяніе. Промышленность же и торговля требуютъ для своего существованія прежде всего спокойствія. Къ тому же они связали Польшу съ Россіей экономическими узами. Такимъ образомъ появилось весьма важное соображеніе противъ перемѣны политическихъ отношеній, тогда какъ прежде не было никакого. Въ виду этого требованія, и домогательства заводчиковъ, фабрикантовъ и купцовъ центральной Россіи, направленныя противъ экономическихъ интересовъ западныхъ областей, нарушаютъ политическіе интересы государства, такъ какъ всѣ мѣры направленныя въ ущербъ промышленности и сельскаго хозяйства въ Царствѣ могли бы весть только къ ослабленію органической силы, связывающей его съ Россіею.

Далѣе, польскіе крестьяне получили надѣлъ, общество усилилось милліонами гражданъ, настроеніе которыхъ можетъ оказать значительное вліяніе на общій ходъ жизни. На польскаго крестьянина возлагаютъ взаимно себя исключающіяся надежды съ одной стороны государственные пропагаторы обрусѣнія, съ другой — наши польскіе революціонеры. Первымъ кажется, что защищая его интересы, его несправедливыя претензіи, столкновенія съ усадьбою, льстя его жадности — они привлекутъ его на сторону русскаго государства и русскаго народа. Другіе свято вѣруютъ, что не сегодня, то завтра на кличъ ихъ поднимется крестьянская масса, загремятъ и засверкаютъ косы. Тѣ и другіе заблуждаются. Крестьянинъ далеко не столь простое существо, чтобы вѣрить во все, что ему говорятъ, что ему обѣщаютъ. Какъ всякая личность, какъ всякая общественная сфера, онъ образовался и осложнился, благодаря многовѣковымъ вліяніямъ прошлого. Въ его головѣ засѣли мысли, испытанія и стремленія цѣлаго ряда поколѣній. Крестьяне видятъ больше, чѣмъ думаютъ государственные и революціонные дѣятели, они выслушиваютъ, берутъ, благодарятъ, но не перестаютъ «смекать». Крестьянинъ привязанъ къ языку, къ землѣ, къ вѣрѣ; можетъ быть, онъ не проникнутъ сознаніемъ своей національной индивидуальности, но не смотря на то, онъ будетъ упорно отстаивать свою самобытность. Грубое, насильственное притягиваніе его къ обрусѣнію, передѣлываніе его въ слѣпое орудіе всѣхъ государственныхъ задачъ порождаетъ въ немъ первые проблески самосознанія. Еще болѣе содѣйствуютъ этому придирки въ рминномъ управленіи, въ школѣ и церкви. Крестьянинъ только тогда почувствуетъ себя солидарнымъ съ государственными интересами, когда и другіе классы вступятъ на этотъ путь. Но съ другой стороны

историческія воспоминанія мало вліяютъ на крестьянскую массу, а такъ какъ при этомъ эта масса по природѣ своей инертна, тяжела на подъемъ, неохотно рѣшается на рискованныя дѣйствія, то вліяніе ея явится несомнѣннымъ тормазомъ въ случаѣ, если бы въ части нашей интеллигенціи могла возникнуть мысль о возстаніи.

Крестьяне составляютъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ и въ Галиціи, широкую основу для примирительной политики, придаютъ ей много силы.

Такимъ образомъ, ознакомившись ближе съ условіями, въ которыхъ находится нынѣ польское общество, мы должны придти къ выводу, что опасеніе возстанія, какъ послѣдствія иныхъ политическихъ условій, можетъ существовать только при незнаніи положенія или же вслѣдствіе преднамѣреннаго извращенія истины. Нынѣ при господствующихъ понятіяхъ и вліяніяхъ польскій народъ покусился бы на новое возстаніе, уже развѣ только въ отчаяніи, только убѣдившись, что долѣе невозможно выносить стѣсненій, придирокъ, гнета полновластныхъ чиновниковъ, соединяющихъ цинизмъ съ фанатизмомъ, и что терять было бы болѣе нечего.

Дѣло поэтому обстоитъ совсѣмъ не такъ, какъ полагаютъ въ Россіи, а именно наоборотъ. Къ вооруженному возстанію можетъ повести только нынѣшняя политика, если развиваясь далѣе въ такомъ же направленіи, дойдетъ логически до послѣдняго этапа. Напротивъ, политическія и національныя уступки, обезпеченіе дѣйствительной государственной опеки для нашихъ общественныхъ усилій создали бы спокойствіе и возбудили бы желаніе сохранить благопріятныя условія. Съ 1863 г. мы научились многому.

Перейдемъ теперь къ опасенію относительно чрезмѣрнаго развитія польскаго элемента. Мы будемъ вполнѣ искренны. Весьма понятно, что болѣе благопріятныя условія прибавятъ намъ, какъ нравственныхъ такъ и умственныхъ силъ. Надо быть ослѣпленнымъ, какъ наши революціонеры, чтобы утверждать, будто въ атмосферѣ гнета національное самосознаніе расцвѣтаетъ пышнѣе, національный духъ становится болѣе интенсивнымъ и могучимъ. Гнетъ можетъ дѣлать людей болѣе упорными, но онъ всетаки вредитъ развитію, онъ притупляетъ. Національныя добродѣтели переживаютъ иногда самыя ужасныя эпохи, но только благодаря внутренней крѣпости народа и независимо отъ разлагающаго вліянія суроваго режима. Мы вынуждены пресмыкаться, лгать. У насъ нѣтъ школъ а есть политическія мастерскія, гдѣ все проникнуто ненавистью къ нашему прошлому, настоящему и будущему, гдѣ польскихъ дѣтей стараются передѣлать въ русскихъ. У насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, нѣтъ условій, содѣйствующихъ труду, нѣтъ и полнаго правосудія.

Несомнѣнно, перемѣна нынѣшней политики къ лучшему, возвращеніе законамъ обязательной силы, прекращеніе безполезныхъ рускихъ покушеній на національность и вѣроисповѣданіе не только облегчитъ наше положеніе, но увеличитъ наше достоинство, укрѣпитъ наши силы, разширитъ нашу дѣеспособность.

Но развѣ все это должно останавливать русскихъ при перемѣнѣ политики, выгодной въ столь многихъ и въ столь важныхъ отношеніяхъ?

Вѣдь въ такомъ случаѣ отношенія между народами сводились бы къ взаимному лишенію правъ и уничтоженію. Едва ли русскіе рѣшились бы сознаться открыто, что именно это соображеніе является рѣшающимъ о необходимости продолженія исключительныхъ мѣръ въ Польшѣ. Усиленіе польскаго элемента не можетъ быть опаснымъ ни даже вреднымъ для русскаго государства и русскаго народа, коль скоро мы признаемъ несомнѣнную истину, что не только отдѣленіе Польши отъ Россіи, но самая попытка къ осуществленію подобнаго замысла — невозможны. Возвращеніе политическихъ и національныхъ правъ польскому элементу въ виду того, что онъ уже видитъ въ настоящее время невозможность своего отторженія отъ русскаго государства, а слѣдовательно и не помышляетъ объ отторженіи, должно создать раньше или позже чувство солидарности съ этимъ государствомъ, какъ это произошло въ Галиціи. Предоставляя полякамъ возможность развитія, Россія укрѣпитъ себя. Ни государство, ни общество не должны опасаться роста польскаго элемента, къ чему можетъ относиться неблагосклонно развѣ часть бюрократіи, которая ставитъ собственные интересы выше, чѣмъ интересы государства.

Полякамъ и нынѣ предоставлено дѣлать карьеру въ отдаленныхъ частяхъ Имперіи, но они неохотно и только по необходимости покидаютъ родную землю. Когда откроется большая возможность работать дома, они несомнѣнно пожелаютъ трудиться прежде всего на родинѣ. Незначительная же часть, которая уйдетъ, можетъ принести государству только пользу, такъ какъ даже въ настоящее время при сильномъ нерасположеніи обѣихъ сторонъ другъ къ другу, многіе поляки искренно отдаютъ трудъ, знанія и дарованія обществу, враждебному, какъ къ нимъ лично, такъ и къ ихъ соотечественникамъ. Поляки заявили себя съ выгодной стороны въ разныхъ отрасляхъ труда въ Россіи и мы не слыхивали жалобъ русскихъ на живущихъ въ ихъ средѣ поляковъ. Недавно русскія газеты цитировали лестные отзывы генерала Синельникова о нѣсколькихъ тысячахъ поляковъ, сосланныхъ въ 1863 г. Тяжело трудясь при сооруженіи желѣзной дороги, они сумѣли возбудить къ себѣ уваженіе и сочувствіе и своимъ примѣромъ благодѣтельно вліяли на мѣстное населеніе. Можетъ быть при отмѣнѣ стѣснительныхъ мѣръ польскій элементъ проявитъ стремленія къ этнографическимъ захватамъ? Такого рода опасенія высказываются нѣкоторою частью русской печати. Но слѣдуетъ помнить прежде всего, что каковы бы ни были уступки, русскій народъ во всякомъ случаѣ будетъ занимать въ государствѣ положеніе гораздо болѣе благопріятное и вліятельное, а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ перевѣсъ на его сторонѣ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ особенности по численности и богатству, — то такое опасеніе является страхомъ сильнаго передъ слабымъ. Если бы даже вполнѣ непредвидѣнно произошло что нибудь подобное, то поляки подвинутся на одинъ дюймъ, тогда какъ русскіе въ то же время пріобрѣтутъ на востокѣ десятки верстъ. Должна же быть на свѣтѣ какая нибудь справедливость. Если бы даже и допустить, что успѣшное развитіе польскаго элемента можетъ

имѣть дурныя стороны, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, то эт невыгоды сводились бы до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что они н въ какомъ случаѣ не могли бы перевѣсить вышеуказаныхъ выгодъ от прекращенія нынѣшней истребительной политики.

Насъ спросятъ можетъ быть, почему всю эту аргументацію м представляемъ на судъ польскому читателю, тогда какъ въ ней закл чаются соображенія, пригодныя главнымъ образомъ для убѣжденія бе пристрастнаго русскаго? На это мы отвѣтимъ, какъ мы уже замѣтил во введеніи, что *для насъ самихъ*, т. е. для поляковъ, очень важн убѣдиться въ томъ, что нынѣшнія отношенія не могутъ долго продо жаться, такъ какъ ихъ нельзя разумно мотивировать съ точки зрѣн русскихъ же государственныхъ интересовъ. Раньше или позже русски ученые и публицисты станутъ выше своей нынѣшней точки зрѣнія, пр которой они льстятъ популярнымъ предразсудкамъ, поддаются однимъ вну шеніямъ страсти, не находя въ себѣ мужества или желанія проникнут сквозь ложную оболочку, которая закрываетъ истину.

Мы увѣрены, что коль скоро на горизонтѣ политической жизн Россіи появится хоть одинъ государственный человѣкъ высшаго полет коль скоро среди совѣтниковъ молодого монарха, очевидно одаренна благородными и гуманными стремленіями, найдется одинъ умъ достаточн сильный, чтобы противодѣйствовать господствующимъ предупрежденіям чтобъ охватить и слѣлать оцѣнку отношеніямъ съ точки зрѣнія дѣйстви тельныхъ, постоянныхъ государственныхъ интересовъ и здравой русско жизни — то тогда безцѣльная, вредная политика, опирающаяся на ли шеніе законности и правъ милліоновъ гражданъ, будетъ оставлена. Искл чительное положеніе, вызванное возстаніемъ и оправдываемое условіям непосредственно слѣдующими за возстаніемъ — не можетъ, по самом существу своему, и не должно превращаться въ систему и существова до безконечности. Это положеніе будучи понятнымъ, какъ проявлен мести и гнѣва, какъ наказаніе, наконецъ, совершенно теряетъ «raison d'être», когда время наказанія прошло, когда наказываемое поколѣн поистинѣ ни въ чемъ не провинилось, когда страсти имѣли время ул улечься, а мѣстные представители правительства знаютъ прекрасно, чт въ Царствѣ Польскомъ господствуетъ полное спокойствіе — не случайно не вынужденное, а добровольное, сознательное, признаваемое необход мымъ и полезнымъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что наступитъ моментъ, когда русско правительство подвергнетъ разсмотрѣнію результаты своей анти-польско политики за послѣднія тридцать лѣтъ. Возбуждать ненависть, призыва одинъ народъ къ истребленію другого въ томъ же государствѣ и пр вратить отношенія такого рода въ основныя начала управленія, а в довершеніе не достигнуть намѣченной цѣли — вѣдь это и не мудра и не здравая политика. Такой политики нельзя согласовать ни с требованіями нравственности, ни съ условіями цивилизаціи, ни съ инт ресами развитія въ самой Россіи, которое находится еще на зарѣ сво его величія.

По нашему глубокому убѣжденію, хорошія отношенія, установленіе солидарности между польскими и русскими интересами необходимы для обѣихъ сторонъ и могутъ имѣть только благодѣтельныя послѣдствія. Когда нибудь дѣйствительная потребность сдѣлаетъ свое дѣло, преодолѣетъ препятствія и заставитъ оба народа вступить на этотъ путь. Лисица и журавль столкуются. Когда же однако это совершится? Чѣмъ позже, тѣмъ хуже, потому что всякая отсрочка порождаетъ страданія и причиняетъ вредъ.

Часть вторая.

Отношенія поляковъ къ Россіи.

Отдать себѣ отчетъ въ реальномъ положеніи дѣлъ, оцѣнить условія народной жизни съ точностью, не поддаваясь нашептываніямъ собственныхъ нашихъ желаній, но соображаясь съ дѣйствительнымъ содержаніемъ этихъ условій — таковы для насъ первый долгъ патріотизма и вмѣстѣ первый залогъ лучшей будущности.

Политическое сужденіе, если оно не направлено къ разсѣеванію новыхъ самообольщеній и приготовленію новыхъ несчастій въ будущемъ, должно истекать изъ дѣйствительности и постоянно считаться съ нею. Только ослѣпленіе и упрямство принимаютъ за доводы — вмѣсто фактовъ, идей, разсчетовъ — фразы внушенныя не преданностью народному благу въ будущемъ, а однимъ пристрастіемъ къ призракамъ, созданнымъ своей или чужой фантазіей.

Заниматься политикой внѣ всякой связи съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и съ всеобщимъ внутреннимъ сознаніемъ его условій — абсурдъ и даже преступленіе. Это — игра, тщетная и вредная, только укрѣпляющая тѣ цѣпи, которыми мы прикованы къ нынѣшней, бѣдственной нашей долѣ. А между тѣмъ, такой неразумной и преступной игрой мы занимаемся систематически втеченіи уже многихъ лѣтъ. Правда и то, что истина и необходимость нерѣдко бываютъ весьма непріятными.

I.

Отдѣлиться отъ русскаго государства мы не въ состояніи ни сегодня, ни завтра. Вотъ несомнѣнный фактъ, преобладающій надъ нашимъ положеніемъ и прежде всего въ немъ мы должны искать указаній къ улучшенію положенія въ будущемъ.

Не сознавать этого факта невозможно и на самомъ дѣлѣ каждый изъ насъ его сознаетъ. Но намъ еще недостаетъ мужества признаться, хотя бы самимъ себѣ въ этомъ сознаніи и мы боимся вывесть неиз-

бѣжно истекающія изъ этого факта заключенія. Такая несмѣлость, такое нежеланіе признать правду стоятъ роковой преградой на пути нашемъ. Отъ нихъ исходитъ ослабляющее насъ противорѣчіе и съ самими собой, и съ логикой фактовъ.

Преклоненіе передъ самообманами, которые навлекли на нашъ народъ столько несчастій, стало какимъ-то особеннымъ, роковымъ недоразумѣніемъ и лежитъ кошмаромъ на мышленіи и стремленіяхъ нашихъ. У насъ не позволительно высказывать нѣкоторыя вещи, не позволительно и слушать, даже думать о нихъ. Мы избѣгаемъ и спрашивать себя — нѣтъ-ли въ тѣхъ вещахъ правды и пути къ спасенію? Мы не желаемъ этого, намъ этого не позволяютъ привычки ума и сердца. Мы страдаемъ тяжкой болѣзнью добровольнаго ослѣпленія, которое было причиной нашихъ бѣдъ и нашего безсилія. Терроризмъ общественнаго мнѣнія, недопускающій свободы мысли въ чемъ-либо связанномъ съ національной жизнью, привелъ насъ къ обманыванію самихъ себя и къ ошибкамъ въ дѣйствіяхъ. Плодъ несмѣлости и лѣности мысли, это ослѣпленіе считалось патріотическимъ правовѣріемъ, возвышающимъ духъ, между тѣмъ, какъ оно только влекло насъ постоянно на невѣрныя дороги.

Въ настоящее время болѣзнь эта стала какъ будто ослабѣвать, но послѣдствія ея продолжаютъ давить насъ своей тяжестью. Мы какъ будто уже прозрѣваемъ правду, но не имѣемъ силы и мужества сказать себѣ, къ чему она насъ обязываетъ. Ту истину, что мы ни сегодня, ни завтра сами отъ Россіи не отдѣлимся и никто не оторветъ насъ отъ нея — мы уже сознаемъ, но какъ будто лишь частнымъ образомъ, для личнаго своего свѣдѣнія. Убѣжденія, что таковъ именно преобладающій надъ всѣмъ положеніемъ фактъ мы никогда еще доселѣ не высказали искренно и открыто, а потому оно и не сдѣлалось гласнымъ, обязательнымъ принципомъ для нашихъ дѣйствій. Мы отступаемъ передъ радикальной, но болѣзненной операціей, отвращаемъ глаза отъ вывода яснаго, не оставляющаго никакихъ сомнѣній, вывода, который опредѣлилъ бы наши отношенія къ Россіи вполнѣ точно и согласно съ дѣйствительностью.

Правда, можно горячо любить мечты, хотя бы и обманчивыя, но самообманъ и заблужденіе не могутъ и не должны оставаться навсегда содержаніемъ жизни; они должны имѣть какой-нибудь предѣлъ, а иначе они станутъ смертельной болѣзнью.

Къ тому же, иллюзіи, какъ и многое иное на свѣтѣ, съ теченіемъ времени вырождаются, теряютъ смыслъ и обращаются просто въ манію. Иллюзіи питавшіяся прежними поколѣніями находились въ связи съ тогдашними политическими знаніями и взглядами, стало быть, имѣли всетаки хоть нѣкоторую основу въ жизни, нѣкоторое фактическое значеніе. Но нынѣ тѣже иллюзіи представлялись бы уже только продуктомъ легкомысленнаго упорства, пожертвованіемъ будущности народа — простому призраку, утратившему даже свое первоначальное обаяніе, въ силу тѣхъ бѣдствій, которыя изъ него проистекли.

Что у насъ самихъ нѣтъ силъ, чтобы вырваться — этого, полагаемъ, нѣтъ нужды доказывать. Послѣ страшныхъ опытовъ, пережитыхъ

нами, только безумецъ или злодѣй могъ бы призывать народъ къ вооруженной борьбѣ.

Разсчитывать на чужую помощь мы такъ же не можемъ, нетолько потому, что нѣсколько разъ обманулись, но и по той причинѣ, что мы лучше, чѣмъ въ прежнее время поняли нынѣ свойство отношеній между государствами. Кто же нынѣ не видитъ, что каждое государство руководствуется въ политикѣ единственно собственными интересами и притомъ — разсчитанными на цѣли не отдаленныя? Самыя строго-логическія убѣжденія въ такомъ смыслѣ, что Польша необходима для европейскаго равновѣсія, что раздѣлъ ея ослабилъ Западъ, что лишь возстановленіе Польши могло бы обезпечить свѣту миръ — нисколько не повліяютъ на умъ кого-либо изъ вліятельныхъ государственныхъ людей Европы, даже не побудятъ ни одного изъ нихъ серьёзно подумать о такихъ аргументахъ, а не то что начать войну съ тремя первостепенными военными державами или хотя-бы съ Германіей и Россіей.

Другое дѣло — дипломатическая интервенція изъ за границы въ польскихъ дѣлахъ. Ее, пожалуй, еще не такъ трудно представить себѣ. Англія, Германія, даже и Франція могли-бы воспользоваться каждымъ нашимъ неразумѣемъ — для своихъ собственныхъ видовъ, но затѣмъ ни одинъ кабинетъ не остановится передъ тѣмъ, что такая интервенція еще углубила бы пропасть подъ нами. Если мы захотимъ бросить взглядъ на любую дипломатическую кампанію, только не касающуюся насъ самихъ, а потому могущую быть здраво оцѣненною нами, то убѣдимся, что каждая такая кампанія происходитъ на счетъ слабыхъ и руководствуется исключительно безусловнымъ эгоизмомъ. Еслибы польскій вопросъ оказался нужнымъ какому-либо кабинету, то именно только какъ вопросъ нерѣшенный, дающій возможность къ возбужденіямъ и созданію затрудненій сопернику.

Нынѣ мы также отлично знаемъ, что причиной нашихъ разочарованій была собственная наша наивность, истекавшая изъ полнаго незнакомства съ тѣми людьми и обстоятельствами, на которыхъ мы разсчитывали.

Въ томъ, чтобы мы возлагали надежду на Англію или Францію — даже и враги наши теперь уже не оговариваютъ насъ. Зато нѣкій русскій публицистъ, спеціально занятый возбужденіемъ въ Россіи ненависти къ полякамъ, недавно старался — даже въ двухъ органахъ печати — увѣрить русскихъ, что мы въ настоящее время разсчитываемъ на помощь Австріи и въ Галиціи прозрѣваемъ польскій Пьемонтъ. *Публицистъ тотъ не говоритъ вздоръ по незнанію: онъ просто лжетъ.* Поэтому не стоитъ ни убѣждать его, ни опровергать его выводовъ. Быть можетъ, онъ хотѣлъ нетолько бросить на насъ извѣтъ передъ мнѣніемъ въ Россіи, но и намъ дать пагубное внушеніе. Исторія когда-нибудь покажетъ, какая доля въ нашихъ ошибкахъ принадлежала прямо злымъ внушеніямъ враговъ.

Понятно, что такому публицисту приходится не по вкусу положеніе дѣлъ въ Галиціи. Ему бы, конечно, хотѣлось, чтобы поляки вездѣ

находились въ оппозиціи государству, вездѣ были-бы ненавидимы и преслѣдуемы. Австрія, послѣ вѣковой неразумной, безплодной, жестокой и постыдной политики, съумѣла иными средствами разрѣшить на своей территоріи польскій вопросъ и пріобрѣла полную преданность нѣсколькихъ милліоновъ подданныхъ. Такой результатъ, очевидно, не на-руку тѣмъ русскимъ «дѣятелямъ» въ Царствѣ Польскомъ, которые усиленно стараются убѣждать правительство и общественное мнѣніе въ Россіи что единственно-возможнымъ образомъ дѣйствій въ Царствѣ представляются именно исключительные законы, административный произволъ и притѣсненіе.

Поляки видятъ въ Галиціи не Пьемонтъ, но — неоспоримый доводъ что и въ границахъ русской власти на землѣ польской отношенія могли бы устроиться благопріятно для насъ и съ пользою для государства. И вотъ, для того, чтобы затемнить всю ясность и поучительность этого примѣра, его и стараются заслонить сказками о такихъ помыслахъ, какіе у насъ нынѣ вывѣтрились даже изъ легкомысленныхъ умовъ. Подобные публицисты когда-нибудь взведутъ на насъ еще и разсчетъ на помощь Пруссіи, лишь бы замазать истинный смыслъ того примѣра, какой представляетъ нынѣ Галиція. А между тѣмъ, германскій шовинизмъ скорѣе согласился бы на возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи — Франціи, чѣмъ на возсозданіе польскаго государства, самое существованіе котораго даже безъ включенія областей принадлежащихъ Пруссіи, было-бы преградой для цѣлей германизма, напирающаго на Востокъ.

И такъ, мы имѣемъ передъ собой *увѣренность*, что вырваться своими силами изъ нынѣшняго положенія мы не можемъ и лишились всякой надежды, чтобы это хотѣлъ или могъ сдѣлать для насъ кто-либо другой. Значитъ, мы знаемъ, что *должны* остаться въ этомъ положеніи. Обманывать себя на этотъ счетъ нѣтъ никакой возможности. Остается только добровольно выносить послѣдствія нашего ослѣпленія, если мы не хотимъ открыть глаза на то, что возможно въ дѣйствительности.

Ктому же, мы нынѣ уже не видимъ въ Польшѣ избранницу среди народовъ, мессію призваннаго обреченіемъ себя на мученіе и жертву искупить политическія прегрѣшенія міра. Мы уже поняли, что виной нашего паденія были прежде всего наши недостатки и заблужденія и что подняться мы можемъ только путемъ излѣченія отъ тѣхъ заблужденій и недостатковъ.

Измѣненіе взглядовъ на сущность нашего положенія должно повлечь за собой перемѣну въ образѣ дѣйствій. Наша программа должна стать иною, чѣмъ были планы поколѣній родившихся ранѣе 1863 г.

Лѣнь духа и недостатокъ гражданскаго мужества рядятся въ облики патріотизма, не даютъ намъ сознать долгъ, возлагаемый на насъ любовью къ народу и его будущности и лишаютъ насъ всякой руководящей мысли. Прежнія свои стремленія мы оставили, должны были оставить ихъ, потерявъ надежду на ихъ осуществленіе, а новыхъ мы, въ нынѣшнемъ нашемъ безсиліи, найти не умѣли. И вотъ, мы остаемся брошенными на произволъ вѣтровъ и волнъ, какъ корабль безъ компаса и безъ

руля. У насъ нѣтъ *политической программы,* нѣтъ опредѣленнаго плана для усилій и мы коснѣемъ въ бездѣйствіи. Мы смотримъ пассивно на ходъ событій, не умѣемъ и не можемъ ни извлекать пользу изъ обстоятельствъ для насъ благопріятныхъ, ни справляться съ обстоятельствами, которыя причиняютъ намъ ущербъ.

Люди вредящіе намъ, откуда бы они ни являлись и какими бы побужденіями ни руководились, не встрѣчаютъ никакого отпора, вслѣдствіе отсутствія у большинства сознательной и обоснованной политической идеи. Они могутъ мутить и путать сколько имъ угодно.

Правда положенія, не бывъ признанною гласно, не могла подавить старыхъ привычекъ и фантазій, а потому всякій agent provocateur или простой безумецъ легко можетъ возбуждать и растравлять ихъ однимъ прикосновеніемъ къ извѣстнымъ струнамъ. Какъ тотъ, такъ и другой всегда могутъ найти среди насъ единомышленниковъ — могильщиковъ нашей же будущности. Мы и доселѣ невсегда держимъ въ памяти, что патетическія воззванія неразъ служили приманкою для насъ со стороны враговъ, что декламировать на тему любви къ отечеству, самопожертвованія и проч. можетъ всякъ, каковы бы ни были его намѣренія. Народную святыню намъ слѣдуетъ однажды замкнуть въ сердцѣ такъ крѣпко, чтобы ея нельзя было кому-либо по произволу выманивать однимъ произнесеніемъ старыхъ, всѣмъ извѣстныхъ паролей. Иначе, весь нашъ духовный капиталъ будетъ разбросанъ расточителями, раскраденъ хищниками.

Нынѣшнее состояніе немощи и истекающей изъ нея политической пассивности продолжается уже десятки лѣтъ.

То поколѣніе, которое выступило на арену жизни непосредственно за возстаніемъ открыто осудило прежнія наши усилія, осудило ихъ, быть можетъ, даже слишкомъ строго, такъ какъ, разсуждая подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ и сопоставляя неосновательность надеждъ съ страшными размѣрами постигшаго насъ бѣдствія, поколѣніе то не могло принять въ разсчетъ снисходительности исторіи къ давнопрошедшему.

Органомъ того поколѣнія была такъ называемая «молодая печать», а именно «Przegląd Tygodniowy» и «Niwa». Едва ли не въ каждомъ нумерѣ обоихъ этихъ изданій можно найти борьбу съ «мечтами», «самообольщеніемъ», «исканіемъ приключеній». Историкъ «молодой печати», бывшій самъ главной ея опорой, Петръ Хмѣлёвскій опредѣляетъ главную ея заслугу слѣдующимъ образомъ: «побѣда политики разума надъ политикою чувства» («Zarys literatury Polskiej», 1885 г.).

Вотъ что говорилъ польскому обществу Мстиславъ Годлевскій въ одной статьѣ газеты «Niwa», въ 1872 г.: «Иныя общества предаются мечтаніямъ совершенно такъ, какъ отдѣльные люди и приготовляютъ себѣ печальную судьбу. Таковъ нашъ примѣръ. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ мы привыкли увлекаться фантазіей и обманывать себя какъ бы нарочно. Къ сожалѣнію, даже и доселѣ мы неохотно взвѣшиваемъ условія нашего быта трезвымъ разсудкомъ, любимъ преувеличивать свои силы и достоинства, разсчитывать на счастливую случайность и

на несуществующую мощь, а наконецъ выжидать сложа руки лучших временъ. И сколько уже разъ испытывали мы горькія разочарованія!

Еще съ бо́льшей энергіей возставалъ противъ давнихъ иллюзій и стремленій литературный вождь варшавскихъ «позитивистовъ» Александр Свентоховскій. Приводимъ извлеченіе изъ его статьи «Политическ указанія», помѣщенной въ сборникѣ «Ognisko».

«Если — писалъ онъ — отложивъ въ сторону сказки о заколдованной королевнѣ, которой предстоитъ возстать отъ призрачнаго сна преодолѣвъ силу враждебныхъ ей чернокнижниковъ — мы соберем политическія указанія для нашего общества, очищенныя отъ фантастическихъ примѣсей, то найдемъ въ нихъ одну общую нить, а именно мысль о возрожденіи въ силу культурнаго развитія, съ рѣшительным отреченіемъ отъ вооруженныхъ попытокъ . . .

«Необходимость, какъ бы она ни была жестока и непріятна, все таки служитъ людямъ разумнымъ — экономъ для воли и дѣйствій. Нѣт ничего легче, какъ парить воображеніемъ надъ дѣйствительностью и свободно витать въ сферѣ призраковъ; но опасно лелѣять вѣру, что таким полетомъ можно подвинуть себя впередъ на почвѣ дѣйствительности Законы жизни неумолимы и въ силу ихъ, раньше или позже, но витающіе въ поднебесьи упадутъ на землю и будутъ подавлены желѣзно рукой неизбѣжнаго . . . Бѣдственные опыты убѣдили насъ, что не лотерейная игра войны и не заграничная милость, а только тяжелый, мирный и непрестанный, собственный нашъ трудъ можетъ принесть нам пользу. Правда, это тяжкій приговоръ для народа, который пережил вѣка блеска и помнитъ о нихъ; но тѣмъ не менѣе, народъ уже постепенно примиряется съ этимъ приговоромъ. Въ исторіи нашей не был момента, который бы требовалъ такого мужества и самопожертвованія на которыя мы нынѣ уже рѣшаемся. . . Такой процессъ еще тольк начался въ насъ; онъ идетъ еще невполнѣ для насъ сознательно, прерываемый по временамъ возвратомъ прежнихъ идеаловъ. Но тѣ, кто недовольны его медленностью пусть измѣрятъ въ совѣсти великость жертвы Воистину, лишены совѣсти тѣ изъ враждебныхъ намъ, чужихъ писателей, которые стараются подгонять насъ на этомъ пути бичемъ злословія.. Не будемъ ждать ничего отъ политическихъ переворотовъ, войнъ, трактатовъ, мимолетныхъ милостей извнѣ, положимся только на собственну нашу жизнеспособность . . .

«Мечты о возстановленіи внѣшней самостоятельности должны нын уступить мѣсто заботамъ о внутренней самодѣятельности. А она мо жетъ явиться только результатомъ возвышенія силъ умственныхъ и ма терьяльныхъ, всесторонняго народнаго развитія, въ связи съ прогрессом всеобщимъ, а также демократизаціи общества, съ призывомъ къ участію въ немъ элементовъ доселѣ еще умственно несозрѣвшихъ. Только эт сила, такое неустанное напряженіе энергіи и движеніе впередъ могут поддержать жизнеспособность народа и обезпечить его разростаніе.»

Приведя этотъ отзывъ, замѣтимъ, что истина съ которой мы на чали свое разсужденіе, а именно, что «отдѣлиться отъ русскаго госу-

дарства мы не въ состояніи ни сегодня, ни завтра» — была сознана нѣкоторыми умами уже много лѣтъ назадъ. Но времени этого оказалось недостаточно, чтобы извлечь изъ нея неизбѣжныя заключенія и усвоить ихъ себѣ, какъ основу для образа дѣйствій.

II.

Молодые люди, вышедшіе изъ Высшаго Училища (Szkoła Główna) въ разныя области дѣятельности, между прочими и въ печать, желали повесть народъ на новые пути, но не имѣли ни опытности, ни политической подготовки. Ихъ занимали идеалы философскіе, научные, литературные, отчасти и соціальные, но отъ политики они сторонились, прикасаясь къ ней какъ можно меньше, видя въ ней помѣху на пути труда. Такое настроеніе было результатомъ страшнаго недавняго примѣра, являлось естественною реакціей послѣ минувшаго чрезмѣрнаго увлеченія политикой. Молодежь разрушала прежніе политическіе идеалы, даже не стараясь придумывать новыхъ, въ такомъ убѣжденіи, что лучше если общество будетъ вовсе обходиться безъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ. Что политика занимала въ программѣ молодаго поколѣнія послѣ 1863 г. положеніе лишь второстепенное — это доказывалось отношеніемъ молодыхъ варшавскихъ «позитивистовъ» къ партіи «станчиковъ» въ Краковѣ. Въ политическомъ направленіи первые и послѣдніе почти сходились, но тѣмъ не менѣе не признавали между собой связи, такъ какъ ихъ раздѣляли принципы въ иной области, которымъ позитивисты придавали гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ политикѣ. «Przegląd Tygodniowy» и «Niwa» вели постоянную борьбу съ краковскою партіей, считая себя чѣмъ-то діаметрально ей противоположнымъ, какъ то и было, но только въ области убѣжденій философскихъ и религіозныхъ.

Занявъ въ политикѣ положеніе чисто отрицательное, варшавскіе реалисты, противники романтизма, порицатели иллюзій, сами однако увлекались иллюзіями, хотя уже въ противоположномъ смыслѣ. Имъ казалось, что народъ живущій въ срединѣ Европы, имѣющій богатое прошлое и сокровища своего народнаго духа и языка, которыя онъ долженъ былъ охранять для будущаго, можетъ произвольно отречься отъ политики и забыть о нуждахъ, которыя отзывались такъ болѣзненно; что народъ можетъ не думать болѣе о какомъ-либо возможномъ и удовлетворительномъ устройствѣ своихъ отношеній къ государству. Мы не винимъ за это тогдашнихъ позитивистовъ, такъ какъ условія того момента достаточно ихъ оправдываютъ. Но только крайняя неопытность позволила имъ упустить изъ вида, что если программой для народа должна была представляться — какъ тогда выражались — «*работа*», «муравьиный трудъ», «работа у основъ», распространеніе образованія въ массѣ, поднятіе ремеслъ и торговли, то вѣдь необходимо же было подумать объ обезпеченіи для такой дѣятельности благопріятныхъ условій. Вѣдь и Велёпольскій, и политическіе вожди въ Краковѣ имѣли туже самую программу, но какъ Велёпольскій, такъ и краковскіе политики сознавали,

что на трудъ можно разсчитывать, ожидать отъ него плодовъ для общества только въ такомъ случаѣ, если труду будетъ благопріятствовать положеніе *политическое*, если трудъ найдетъ себѣ покровительство и опору со стороны власти государственной.

Государство вообще, а въ особенности государство современное, которое стремится завладѣть иниціативою въ каждой отрасли и все подчинить своему надзору, не допуститъ и не можетъ допустить, чтобы какая-либо часть въ усиліяхъ своихъ оставалась внѣ его, чтобы она работала и развивалась на почвѣ чуждой его идеѣ, его стремленіямъ, цѣлямъ, его жизни, или хотя бы только нейтральной по отношенію къ нимъ. Современное государство сочтетъ подозрительными и даже враждебными ему самыя стремленія къ чему-либо подобному. Нельзя даже представить себѣ какой-либо обширной дѣятельности безъ согласія со стороны государства и обезпеченія имъ возможности исполненія. Достаточно одного нерасположенія или отказа въ содѣйствіи со стороны государства, чтобы обезсилить всѣ предпріятія единичныхъ лицъ или общественныхъ группъ. А что же возможно въ случаѣ прямаго его противодѣйствія? Каково бы ни было различіе взглядовъ на роль и призваніе государствъ, оно не ослабитъ нашего вывода, ибо мы не основываемся здѣсь ни на какой теоріи политическаго права, но просто констатируемъ положеніе, какъ оно есть.

И такъ, когда мы отбросили мысль о борьбѣ и разсчетъ на внѣшнюю помощь, и на мѣсто ихъ поставили программу мирнаго труда, то необходимымъ условіемъ является урегулированіе нашихъ отношеній къ государству, пріобрѣтеніе его довѣрія путемъ приспособленія нашей общественной работы, нашихъ народныхъ усилій — къ принципамъ и условіямъ государственной жизни. Всякое иное сужденіе, иные виды представляли бы собой лишь дальнѣйшій самообманъ. Это намъ уже извѣстно изъ печальнаго опыта.

Мы отказались отъ заговоровъ, порвали связи съ иностранной революціей, не помышляемъ о борьбѣ, — а между тѣмъ, правительство продолжаетъ поступать съ нами какъ съ врагомъ, правда подавленнымъ но могущимъ, пожалуй, завтра же взяться за оружіе. Уже въ теченіи десятковъ лѣтъ мы держимся неотступно программы мирнаго труда, и несмотря на то на насъ сыплются, одно за другимъ, все болѣе и болѣе болѣзненныя ограниченія и исключительные законы; репрессія со стороны правительства постоянно возрастаетъ, какъ будто-бы мы все еще готовились къ возстанію или готовы были бы вступить въ союзъ съ каждымъ врагомъ государства.

Въ первой части настоящаго очерка мы старались показать какъ ошибочно дѣйствуетъ русское правительство подвергая Польшу притѣсненію, основанному на безправіи. Правительство въ собственномъ своемъ интересѣ должно бы содѣйствовать намъ, позаботиться объ урегулированіи отношеній на польской землѣ. Отдавъ нашъ край въ добычу чиновническому произволу, правительство само затруднило для себя задачу. Русское правительство, точно такъ, какъ и польское общество

является въ этомъ дѣлѣ непосредственно заинтересованною стороной. И потому оно не должно ограничиваться констатированіемъ нынѣшняго положенія, несомнѣнно дурнаго и для него, и для насъ, но должно дѣйствовать въ виду такой цѣли, чтобы положеніе это измѣнилось къ лучшему.

Все это справедливо. Но для того, чтобы поставить вопросъ смѣло и искренно — какова наша патріотическая обязанность — мы должны признать, что за положеніе занимаемое правительствомъ говоритъ одинъ доводъ нелишенный силы и что здѣшніе чиновники, донося на наше общество, ссылаются, хотя не на правду, но на нѣчто имѣющее внѣшній ея обликъ. Борьбы и заговоровъ — говорятъ они — поляки не ведутъ, потому что у нихъ не хватило силъ весть ихъ долѣе, но врагами государства поляки всетаки остались; непріязнь эта можетъ проявиться при первомъ удобномъ случаѣ, а потому надо держаться осторожно, какъ въ непріятельской странѣ, полякамъ не вѣрить, отъ всего ихъ устранять и никакихъ правъ имъ не давать.

Для того, кто, какъ мы, знаетъ до глубины настроеніе польскаго общества, для того ясно, что такое недовѣріе и такія опасенія въ дѣйствительности никакого серьёзнаго основанія не имѣютъ; что наоборотъ, именно оказаніемъ довѣрія всего легче удалось бы привесть отношенія къ окончательному, благопріятному порядку. Едва-ли даже и мѣстные служащіе изъ русскихъ могутъ имѣть сколько нибудь искреннія на этотъ счетъ сомнѣнія. Но центральное правительство основываетъ свои взгляды и свой образъ дѣйствій не на непосредственномъ знакомствѣ съ психическимъ состояніемъ нашего общества, а на фактахъ, въ ихъ тенденціозномъ освѣщеніи. И вотъ, на это правительство недостатокъ рѣшимости съ нашей стороны взглянуть правдѣ въ глаза и признать дѣйствительное положеніе вещей долженъ дѣйствовать въ смыслѣ для насъ неблагопріятномъ. Со старой дороги мы сошли, но на новую вступить не рѣшаемся. Мы не рѣшились доселѣ признать нашу принадлежность къ русскому государству за фактъ нормальный, примириться съ неизбѣжностью дальнѣйшаго существованія этого факта. У насъ не хватало на это мужества передъ самими собой. А при такомъ условіи, и предполагаемая нами работа надъ народнымъ образованіемъ, развитіемъ производительности, литературою и т. п. можетъ показаться подозрительному противнику — средствомъ, направленнымъ къ той же цѣли, которой намъ не удалось достигнуть возстаніемъ. И нельзя удивляться, что государство иначе относится къ тѣмъ подданнымъ, въ которыхъ оно увѣрено, чѣмъ къ тѣмъ, которымъ оно не довѣряетъ. Избранныя правительствомъ средства могутъ быть преувеличенными, нераціональными, даже лишенными смысла, по отношенію къ историческому мышленію и высшимъ видамъ на будущее всего государства, но въ данномъ моментѣ, какъ говорится «въ злобѣ дня», они тѣмъ неменѣе могутъ окрываться внѣшнимъ видомъ необходимости.

Мы не должны думать, что наше примиреніе съ судьбой въ предѣлахъ русскаго государства принесетъ желательные результаты, если оно не будетъ *искреннимъ*. Искренность здѣсь составляетъ условіе sine qua

non. Государство не окажетъ своего содѣйствія и покровительства усиліямъ къ подъему и развитію силъ нашего общества до тѣхъ поръ, пока оно не пріобрѣтетъ увѣренности, что этихъ силъ мы не обратимъ противъ него, пока не получитъ полнаго къ намъ довѣрія.

Здѣсь представляется наиболѣе щекотливый пунктъ, камень преткновенія для господствующихъ среди насъ понятій. Но виной тому — лишь немощь нашего политическаго мышленія. Когда, при разборѣ нашего положенія, мы доходимъ до этого пункта, то люди перестаютъ разсуждать, а вмѣсто того начинаютъ просто декламировать: «и такъ, значитъ, мы должны отречься навѣки! Отречься отъ наслѣдія созданнаго тысячелѣтней народной жизнью!» и т. д.

А между тѣмъ, необходимо разсуждать хладнокровно, не увлекаясь никакимъ порывомъ чувства. Прежде всего — серьёзная политика совсѣмъ не знаетъ слова «навѣки» и въ такія перспективы не входитъ. Мы должны имѣть въ виду только тѣ условія, которыя въ дѣйствительности находятся на горизонтѣ и могутъ стать основою для дѣйствій, для занятія опредѣленнаго положенія. Сила обстоятельствъ принудила насъ отбросить мечты, которыми жили отцы наши, но ничто не заставляетъ насъ отказаться отъ заботъ объ охраненіи и развитіи нашей собственной отечественной культуры. Напротивъ, именно эта работа представляется для насъ долгомъ, должна быть нашимъ девизомъ. А за эту работу намъ невозможно и приняться серьёзно, пока мы не преодолимъ въ себѣ отвращенія къ занятію передъ государствомъ положеніемъ опредѣленнаго, единственно-возможнаго. До тѣхъ поръ мы не будемъ въ состояніи приняться за исполненіе нашего долга передъ своимъ же обществомъ, стало быть, останемся *виновными* и наша вина опять падетъ на дѣтей нашихъ.

Ставить задачею для себя, программою — «работу», въ ней видѣть единое спасеніе, и въ тоже время дѣлать ее невозможною, въ угоду преданіямъ, которыя оказались несостоятельными — развѣ это не неразумѣніе, могущее только тяжко повредить намъ? Поймемъ же разъ, что для осуществленія нашей программы мирнаго общественнаго труда, единой, какая намъ осталась, послѣ того, какъ уже у насъ нѣтъ ни заговоровъ, ни ожиданія на каждую весну, что «будетъ война», поймемъ наконецъ, что для этого труда мы должны найти согласіе и даже содѣйствіе власти, государства, а такого согласія и содѣйствія мы никогда не получимъ, если останемся при своемъ non possumus, если и впредь среди насъ непримиримость будетъ почитаться гражданской добродѣтелью и патріотическимъ долгомъ.

Или то, или другое! Приверженцамъ мысли о возстаніи или о борьбѣ въ какой-либо иной формѣ, или хотя бы пребыванія въ бездѣйствіи, съ упованіемъ въ мистическія силы народа, позволительно отрицать значеніе государства и оставаться въ безусловной оппозиціи. Но тѣ, кто хочетъ мирно работать для будущности общества, если только они сознаютъ чего хотятъ, должны, по свойству дѣла, измѣнить свое отношеніе къ Россіи. Если ставъ одной ногой на берегъ, нерѣшаться снять другою

ноги съ лодки, то никуда не придешь. Эта непослѣдовательность свидѣтельствуетъ только или о слабости мысли, или о недостаткѣ мужества. Скорѣе всего — именно о послѣднемъ. Мы боимся громкихъ словъ, осужденія за невѣрность патріотизму и страхъ этотъ мѣшаетъ намъ даже мыслить логично.

А непослѣдовательность влечетъ за собой неудобства нетолько въ политическомъ смыслѣ, но и въ нравственномъ. Мы не хотимъ открыто признать фактически существующаго порядка вещей, а между тѣмъ каждый разъ, когда насъ къ тому принуждаетъ какой-либо частный интересъ, мы являемся въ качествѣ лояльныхъ подданныхъ, увѣряемъ представителей власти въ благонадежныхъ своихъ намѣреніяхъ. Это насъ унижаетъ, это въ самомъ дѣлѣ несогласно съ національнымъ достоинствомъ.

Въ Галиціи, гдѣ съ 1866 д. обществомъ руководили люди старшіе лѣтами и болѣе опытные, люди эти избѣгли односторонности, въ какую вдались молодые варшавскіе писатели — позитивисты. Въ Галиціи съумѣли понять, что разъ отказавшись отъ мысли о борьбѣ, слѣдовало стать въ иныя отношенія къ правительству, чѣмъ прежде. Благодаря этому, Галиція и избѣгла того обезсиливающаго жизнь политическаго ничтожества, въ какомъ пребываетъ Царство Польское цѣлыя 30 лѣтъ. Намъ скажутъ, что Галиція воспользовалась счастливымъ историческимъ моментомъ, которому и слѣдуетъ приписать все. Мы не будемъ отрицать, что ей представилось благопріятное стеченіе обстоятельствъ, но однимъ изъ важныхъ среди нихъ факторовъ послужилъ именно политическій разумъ руководителей тамошняго общества. Умѣть воспользоваться благопріятнымъ моментомъ — не малая заслуга, въ этомъ все дѣло и состоитъ. А развѣ для Царства, созданнаго конгрессомъ, и даже для Княжества Познанскаго не представлялось въ разное время столь же, а пожалуй еще и болѣе благопріятныхъ моментовъ? Такіе моменты являлись, но ими не умѣли воспользоваться, потому именно, что не обладали тѣмъ гражданскимъ мужествомъ, той силой мысли, тѣмъ умѣньемъ поставить смѣло и вѣрно общественный діагнозъ и вывесть изъ него средства лѣченія, какія были проявлены политическими людьми въ Галиціи. Мы, здѣсь въ Варшавѣ, нетолько не сравнились съ ними въ этихъ силахъ и свойствахъ, но даже не съумѣли доселѣ извлечь для себя поученія изъ ихъ примѣра.

Одинъ только разъ послѣ раздѣла Польши, работа для пользы общества была основана на искреннемъ отношеніи къ государству, и это тотчасъ же произвело благія послѣдствія, дало обществу политическое возрожденіе.

Нынѣ условія совсѣмъ измѣнились въ силу совершившихся фактовъ и вотъ, у насъ не усматриваютъ никакого сходства въ положеніи Царства и Галиціи, находятъ, что одно — имѣть дѣло съ федеративной, конституціонной, религіозно-свободной Австріей, а другое — съ самодержавной, вѣчно-завоевательной, обуреваемой духомъ народной исключительности Россіей. Но вспомнимъ, что 30 лѣтъ тому назадъ такого

различія не было, а если оно въ чемъ либо проявлялось, то — в пользу Россіи. Въ Австріи не было монарха, котораго бы называл «возстановителемъ польскаго королевства» и Галиція не имѣла въ т время столь широкой автономіи, какая была намъ дана Александромъ I и Велёпольскимъ. Начиная съ Іосифа II, до Меттерниха, Баха и даж до Шмерлинга, Австрія была вампиромъ, который высасывалъ изъ жертв мозгъ и кровь, а въ нее впускалъ ядъ порчи и общественной борьбы Австрійское правительство дало крестьянину ножъ въ руки и возбудил его къ рѣзнѣ. Развѣ этого было мало?

И дѣйствительно, въ Галиціи приходилось преодолѣвать въ себ тѣже предубѣжденія, туже неохоту и тѣже опасенія, которыя насъ досел удерживаютъ въ бездѣйствіи. Но руководители общественной мысли в Галиціи, имѣвшіе въ своей средѣ проницательнаго историка[1], которы причины нашего политическаго упадка изслѣдовалъ не только умом но и сердцемъ, съумѣли понять, что выше тѣхъ предубѣжденій и не охоты, всетаки стоитъ дѣйствительная необходимость связать свои на родныя стремленія съ интересами государства и занять по отношенію къ нему лояльное положеніе.

III.

Хотя историки еще невполнѣ согласны между собою во взглядах на раздѣлъ Польши, но ни одинъ изъ нихъ не отрицаетъ, что одно изъ важнѣйшихъ вызвавшихъ ея паденіе причинъ была собственная вин народа. Одни видятъ въ ней даже единственную причину, другіе глав ную. Государство пало потому что народъ впалъ въ политическую бо лѣзнь, которая лишила его возможности самостоятельнаго существованія Раздѣлъ былъ только послѣдствіемъ упадка, котораго сущность предста влялась въ анархіи. У насъ не было правленія, мы даже утратили по нятіе о правленіи и способность возсоздать его. А между тѣмъ, пра вленіе это — порядокъ, видимый знакъ всякой коллективности и е сила. Сознаніе необходимости правленія проявляется въ способност подчинять личные интересы и мнѣнія — потребностямъ общимъ, и умѣньи организоваться и работать сообща.

У насъ, дворянинъ никого не слушалъ, кромѣ магната, отъ котора зависѣли его благосостояніе, карьера. Дворяне не платили подати, дан тогда, когда ее наложилъ четырехлѣтній сеймъ для содержанія войск хотя всѣ были убѣждены, что въ войскѣ было спасеніе государств Надо ли доказывать, что при такой болѣзни государство жить долѣе н могло?

При болѣе благопріятномъ географическомъ положеніи и болѣе сч стливомъ стеченіи внѣшнихъ обстоятельствъ, мы быть можетъ, избѣгл бы раздѣла, выиграли время, съумѣли бы опамятоваться и подняться н

---

[1] Шуйскій. *Прим. перев.*

ноги. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что наша анархія породила безсиліе, что у насъ недостало ни матерьяльныхъ силъ, ни мощи духа, чтобы отразить нападеніе сосѣдей.

Затерявъ способность править собою, въ теченіе двухвѣковой анархіи, мы, конечно, не могли пріобрѣсть этой способности въ неволѣ, когда безусловная оппозиція всему, что исходило отъ чуждаго намъ государства и полное его отрицаніе являлись политической доблестью и обязанностью. Тотъ же нашъ недостатокъ, который сталъ виною нашего паденія, продолжалъ ухудшать положеніе наше и подъ чужеземной властью. А стало быть, безъ излѣченія отъ того недостатка нечего и думать объ улучшеніи нашей доли.

Если вѣрны изслѣдованія нашихъ историковъ-соціологовъ, то возстанія, которыя мы предпринимали, были ошибками въ двойномъ значеніи: мы приносили огромныя жертвы для цѣли, которой достигнуть было невозможно по недостатку силъ; а еслибы, благодаря какимъ-либо необычайнымъ обстоятельствамъ, мы и достигли ея, то у насъ не было способности удержать пріобрѣтенное и мы, по той же причинѣ, снова бы его лишились. Думать иначе значило бы вѣровать, что могло совершиться чудо.

И такъ, прежде всего мы должны освободится отъ того недостатка, который былъ причиною нашихъ несчастій. Но способности къ управленію мы не пріобрѣтемъ безъ практики, а стало быть, прежде всего мы должны войти въ добрыя отношенія съ государствомъ и работу для нашихъ потребностей основать на тѣхъ же принципахъ, на коихъ утверждаются интересы монархіи. Толковать о горечи лѣкарства совершенно напрасно, когда оно представляется единственнымъ возможнымъ. Единичный человѣкъ, если не можетъ примириться съ какимъ-либо средствомъ спасенія, воленъ отказаться отъ него и умереть. Но народъ не имѣетъ такого выбора: онъ или излѣчивается и возрождается, или вырождается среди униженія.

Эту истину сознавали или угадывали наши примѣчательнѣйшіе политическіе люди въ началѣ столѣтія: Сташицъ, Вороничъ, Любецкій, Чарторыскій и потому призывали народъ къ дѣятельности, не поддаваясь предубѣжденіямъ и не увлекаясь тѣми видами, которые мечтателей толкнули въ революцію 1830 года и повели къ утратѣ нами политическихъ учрежденій, пріобрѣтенныхъ благодаря наполеоновскимъ войнамъ и намѣреніямъ Александра I-го. И Велёпольскій понималъ, что безусловная оппозиція, дѣятельная или пассивная, противъ всякаго дѣйствія правительства ставитъ насъ въ «положеніе нищихъ, которое унижаетъ и деморализуетъ».

Но съ наибольшей ясностью и полнотою вопросъ этотъ былъ рѣшенъ только въ Галиціи. Проницательный умъ Шуйскаго, основываясь на глубокомъ историческомъ знаніи, доказалъ эту истину народу, возвелъ ее на высоту исторической и политической теоріи.

«Виною нашего безначалія — говорилъ онъ — были не учрежденія, но утрата сознанія необходимости правленія и власти, неуваженіе

народа къ законамъ. Патріотизмъ худо понимаемый полагаетъ, что власть нужна только подъ условіемъ, чтобы она была родная, но упускаетъ изъ вида, что и родная власть ни къ чему бы ни пригодилась, еслибы исчезло всякое преданіе объ уваженіи къ ней. Путемъ оппозиціи во что бы то ни стало не спасся ни одинъ народъ, не можетъ жить и развиваться. Съ правительствомъ, *каково-бы оно ни было* народъ *долженъ* считаться. Вотъ что мы обязаны сказать себѣ послѣ вѣковъ безначалія и послѣ столѣтія нашего состоянія подъ чужой властью. Народы губятъ себя своими дѣлами, но и возраждаются только дѣйствіями. Политика же одного отрицанія вовсе не есть политика.»

Въ силу обстоятельствъ, но несомнѣнно благодаря также и разумности своихъ вождей, Галиція вступила на путь политики раціональной. Предсказанія крикуновъ нисколько не оправдались. Ничего изъ своихъ національныхъ особенностей тотъ край не потерялъ, духъ его не изказился, чувства не охладѣли. Наоборотъ, съ замѣчательной быстротой, въ теченіе всего какихъ-нибудь двадцати лѣтъ, проявились самыя благопріятныя послѣдствія. Народный духъ окрѣпъ и наиболѣе бѣдная, самая злополучная, заброшенная, изъ областей павшаго государства стала развиваться на нашихъ глазахъ и въ умственномъ, и въ матерьяльномъ отношеніи. Если мы и доселѣ часто слышимъ нареканія на положеніе дѣлъ въ Галиціи, то только подъ вліяніемъ свойственной людямъ нетерпѣливости, нерѣдко заставляющей забывать, что дѣйствительность не можетъ поспѣвать за желаніями, что развитіе общества повинуется извѣстнымъ законамъ и зависитъ отъ условій многообразныхъ. На самомъ же дѣлѣ, послѣдніе 30 лѣтъ составляютъ въ исторіи Галиціи періодъ счастливый и почетный. Пусть тамъ еще недостаточно хорошо, но всетаки постоянно дѣлается лучше. Въ особенности же удивительны политическіе успѣхи Галиціи. Еще въ 1867 г. и въ ней господствовали тѣже типическія черты безсилія порожденнаго безначаліемъ; но достаточно было одной четверти столѣтія, чтобы создать тамъ значительную политическую силу, доставить краю почетное положеніе въ государствѣ. Если что-либо угрожаетъ нынѣ Галиціи, то опять-таки только таже опасность поворота къ анархіи. Поученіе истекающее изъ примѣра Галиціи можетъ быть отрицаемо ослѣпленіемъ или мертвымъ доктринерствомъ, но ни въ какомъ случаѣ патріотизмомъ.

Мы конечно, признаемъ, что отношенія общества къ управленію имѣютъ и должны имѣть двѣ стороны. Для гражданъ обязательны и поддержка правительства, и оппозиція. Это мы видимъ во Франціи, Англіи, Германіи, тоже самое должно быть и у насъ, съ различіемъ лишь количественнымъ, но не качественнымъ. Безусловная оппозиція есть состояніе революціонное. Мы революціи не хотимъ, но противодѣйствію всѣмъ усиліямъ правительства такъ вошло въ нашу плоть и кровь, что мы только о ней и помышляемъ.

Это является настоящимъ порокомъ, вредность котораго очевидна.

Въ числѣ правительственныхъ мѣръ есть такія, которыя направлены противъ нашей народности и представляютъ собой ограниченія насъ въ

правахъ. Противодѣйствовать подобнымъ мѣрамъ мы обязаны. Но вѣдь одновременно тоже правительство удовлетворяетъ многія наши потребности, отправляетъ правосудіе, охраняетъ безопасность, заботится о дѣлахъ экономическихъ, санитарныхъ и т. п. — и во всемъ этомъ мы несомнѣнно обязаны содѣйствовать его органамъ. Когда говорятъ, что забота враговъ о нашихъ потребностяхъ хуже, чѣмъ оставленіе ихъ вовсе безъ удовлетворенія, то это — лишь фраза, неимѣющая значенія и могущая нравиться только людямъ лишеннымъ политическаго смысла.

Мы отказываемъ власти въ содѣйствіи. Но вѣдь во всемъ томъ, что направлено въ самомъ дѣлѣ къ нашему вреду власть обходится безъ нашего содѣйствія. Зато въ томъ, что ведетъ къ нашей пользѣ, содѣйствіе общества представляется необходимымъ и наше отчужденіе, наше сопротивленіе парализуютъ добрыя намѣренія власти. И такъ, отказывая ей въ своемъ содѣйствіи, мы дурнаго не устраняемъ, а препятствуемъ многому хорошему, многому такому, безъ чего общественное благосостояніе немыслимо и что могло бы быть осуществлено при иномъ нашемъ отношеніи къ правительству.

Мало того. Дурное отношеніе къ власти вноситъ деморализацію въ собственную нашу общественную жизнь. Неспособность къ дисциплинѣ, къ совмѣстному дѣйствію и порядку, пренебреженіе къ уставамъ, какъ только они несогласны съ личнымъ нашимъ интересомъ, мы вносимъ въ жизнь учрежденій и обществъ финансовыхъ, техническихъ, а хотя бы увеселительныхъ, словомъ — во всякую дѣятельность, которая необходимо должна сообразоваться съ опредѣленной нормой. Человѣкъ не можетъ имѣть двухъ характеровъ и произвольно примѣнять то тотъ, то другой; дурныя привычки, разъ пріобрѣтенныя, остаются при насъ во всемъ и всегда. Мы не считаемъ безнравственнымъ дать взятку русскому чиновнику или русскому учителю, а убѣдившись, что такая манипуляція удобна, мы затѣмъ обращаемся съ такою же взяткой и къ своимъ землякамъ — къ управляющему домомъ, гминному писарю, кондуктору и проч.

Въ первой части настоящаго очерка мы указывали, что произволъ практикуемый русскими чиновниками въ Польшѣ переходитъ и на русскія области государства, отмщается на собственной родинѣ русскихъ. Но тоже самое явленіе происходитъ и съ нами. Дурное, безнравственное отношеніе къ должностнымъ лицамъ и къ государству портитъ насъ самихъ, нашу внутренною жизнь.

Наше отношеніе къ русскимъ властямъ, основанное на отрицаніи, возникло подъ вліяніемъ боли, ненависти, гнѣва, жажды мести, негодованія. Его легко понять; не споримъ, что въ извѣстномъ моментѣ оно оправдывалось, даже могло быть полезно. Но тѣмъ неменѣе — въ видѣ постояннаго принципа народной жизни и въ смыслѣ политической тактики подобное отношеніе является большой ошибкой. Оно несогласно съ мирными стремленіями общества, оно приноситъ вредъ нашимъ интересамъ матерьяльнымъ и нравственнымъ и только усиливаетъ тотъ нашъ политическій недостатокъ, который погубилъ нашу республику и далѣе

погружалъ насъ въ бѣдствія. То, что намъ казалось средствомъ для охраненія духа и народнаго достоинства въ дѣйствительности насъ же развращаетъ и унижаетъ.

Повторяемъ, единымъ путемъ къ улучшенію нашего быта и къ народному возрожденію можетъ служить лишь лояльное отношеніе къ правительству, связаніе нашихъ потребностей съ задачами государства.

При такомъ отношеніи, и самая оппозиція наша въ защиту народныхъ потребностей и правъ получитъ иное значеніе и вѣроятно, будетъ имѣть иной результатъ. Въ такомъ случаѣ она завершитъ наше политическое воспитаніе. Нынѣшнее же положеніе нами занимаемое — даже не оппозиція, а просто пассивность.

IV.

Тотъ, кто, подобно намъ, придетъ къ такимъ выводамъ, несомнѣнно пойметъ, что къ нимъ нисколько не примѣнимъ столь часто и несовсѣмъ кстати повторявшійся терминъ *политики примиренія*. Названіе это обратилось въ кличку, которая крайне облегчаетъ критику. Стóитъ только сказать: «желаютъ цаловать руку, которая къ нимъ даже не протянута». Конечно, острота не есть доводъ и хотя она можетъ подѣйствовать на многихъ и потому представляется полемическимъ средствомъ, но вѣдь нельзя же сводить политическаго разсужденія на остроты.

Очевидно, въ нашемъ образѣ дѣйствій доселѣ должно было заключаться нѣчто неладное, такъ какъ ничего мы не достигли, а только шли все къ худшему. Стало быть, нѣчего говорить ни о заключеніи примиренія, ни объ отказѣ отъ примиренія, которое и не предлагается. Достаточно искренней любви къ своему краю, чтобы мыслить о будущемъ и не сидѣть сложа руки, но искать для него выхода изъ долговременнаго бѣдствія.

Намъ-бы хотѣлось по мѣрѣ силъ нашихъ, найти и указать нашему обществу вѣрнѣйшіе взгляды и пути къ улучшенію, а затѣмъ, дѣйствіе конечно, нисколько отъ насъ не зависитъ.

На необходимость лояльнаго отношенія мы указывали потому, что нынѣшнее наше нерасположеніе, хотя и пассивное только, служитъ одной (единственной сколько-нибудь основательной) изъ причинъ непріязненнаго отношенія государства къ нашей работѣ надъ общественными улучшеніями, а только въ этой работѣ мы, т. е. большинство видимъ наше спасеніе. Сверхъ того, какъ уже сказано, лояльное содѣйствіе государству необходимо намъ для собственнаго нашего оздоровленія и возрожденія, для пріобрѣтенія политической зрѣлости и способности къ общественной дѣятельности, которая обезпечитъ намъ лучшую будущность. Это, второе соображеніе, очевидно, независитъ отъ образа дѣйствій русскаго правительства.

Русско-польскія отношенія, въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, создались исторіею; они не дѣло случая и не измѣнятся безъ важныхъ причинъ и чьей-либо личной волѣ. Ожидать, что они будутъ внезапно измѣнены

въ одинъ изъ ближайшихъ дней — всеравно, что разсчитывать на народное возстаніе или внѣшнюю интервенцію. Пора намъ перестать надѣяться на измѣненіе направленій, лицъ, на манифесты и необычайныя событія. Ничего мы не пріобрѣтемъ иначе, какъ собственными: умомъ, порядочностью и трудомъ. Важныя измѣненія въ политикѣ всякаго правительства и даже милости монарховъ вызываются лишь важными же причинами.

Вотъ почему то искреннее отношеніе къ государству, о которомъ мы ведемъ рѣчь, вовсе не представляется намъ въ видѣ заключенія какого-либо соглашенія или, какъ то называлось, «примиренія». Мы хотимъ лишь сдѣлать возможнымъ, чтобы тотъ факторъ, который отъ насъ независитъ и дѣйствуетъ прямо къ нашему вреду, сталъ дѣйствовать иначе.

Ни къ какому заключенію соглашенія или «примиренія» мы не стремимся, не только потому, что это нынѣ неосуществимая мечта, но и потому еще, что всякій такого рода договоръ могъ бы сдѣлаться источникомъ новыхъ взаимныхъ недоразумѣній и бѣдъ для насъ.

Соглашеніе означало бы отдачу нами своихъ чувствъ и своихъ силъ государству, взамѣнъ за какія-либо уступки съ его стороны въ пользу нашихъ потребностей и правъ общественныхъ или національныхъ. Но недостаточно пріобрѣсть уступки, надо затѣмъ дѣйствовать согласно съ ними и умѣть ими воспользоваться. А въ виду примѣра 1861—62 годовъ позволительно опасаться (по крайней мѣрѣ Россіи), что уступки сдѣланныя намъ внезапно, еще неоправданныя нами самими, скорѣе разширили бы наши желанія, чѣмъ удовлетворили бы ихъ. Еще нельзя поручиться за то, что наши старые недостатки не откликнулись бы снова. А въ такомъ случаѣ «соглашеніе» нетолько не улучшило бы нашихъ отношеній, но еще раздражило бы ихъ, къ нашему же, разумѣется, вреду.

Вспомнимъ, что всѣ бѣдствія начинались съ поставленія нами лояльности нашей къ государству — въ зависимость и соразмѣрность съ величиною ожидаемыхъ уступокъ. Мы хотѣли, чтобы соотвѣтствовавшія тому или другому историческому моменту желанія наши были осуществлены или добровольнымъ актомъ правительства, или вооруженною борьбой. Во время существованія королевства польскаго, созданнаго конгрессомъ, и до 1831 г., условіемъ нашего лояльнаго отношенія къ Россіи мы ставили распространеніе конституціи на земли отошедшія къ Имперіи при раздѣлахъ. Передъ возстаніемъ 1863 г. мы готовы были согласиться на конституцію съ возстановленіемъ польскаго войска, а права исходатайствованныя Велёпольскимъ мы считали за мелочь, которою не жаль было рискнуть. Нынѣ мы были бы счастливы, еслибы получили лишь частицу преобразованій Велёпольскаго — по крайней мѣрѣ, такъ намъ кажется пока мы ея не получили. Въ смыслѣ психическомъ и политическомъ, повторяется все одно и тоже явленіе. Того, что есть мы знать не хотимъ, начать работать для себя и для государства при существующихъ условіяхъ мы не желаемъ, видя въ этомъ, какъ наши отцы въ 1863 и наши дѣды въ 1831 г. — позоръ и предательство, шагъ къ отреченію отъ своей народности. А между тѣмъ, этотъ

взглядъ, что лояльными гражданами и подданными государства мы можем стать лишь въ такомъ случаѣ, если *впередъ* оно дастъ намъ городско и сельское самоуправленіе, если *впередъ* возстановитъ нашъ языкъ в школѣ и т. п. составляетъ крупную политическую ошибку.

Такимъ поставленіемъ вопроса создается заколдованный кругъ, из котораго нѣтъ выхода. Перемѣна въ условіяхъ нашего быта может явиться лишь послѣдствіемъ измѣненія въ нашихъ настроеніи и дѣйствіяхъ, а не наоборотъ. Ничто на свѣтѣ не происходитъ безъ причинъ А причиной перемѣны въ насъ самихъ должно быть просто убѣжденіе что въ ней одной наше спасеніе, необходимое условіе сколько-нибуд лучшей будущности. Пока мы останемся такими, какими были, и у правительства останутся тѣ побужденія, вслѣдствіе которыхъ оно дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Быть можетъ, когда-нибудь и появится геніальный государственный человѣкъ, который пойметъ безцѣльность и невыгодность для государства политики чиновничьяго произвола въ Польш — но когда же это будетъ? Намъ не слѣдуетъ разсчитывать на счастливую случайность, но прямо приняться за работу, за исполненіе обязанности. Не будемъ создавать для дѣтей нашихъ все худшихъ и худшихъ условій быта. Предки наши поступили такъ, но исторія извинитъ их незнаніемъ; мы же грѣшимъ легкомысленнымъ упорствомъ.

Если мы хотимъ выйти изъ нынѣшняго положенія безсилія, начат улучшать нашъ бытъ, а не ухудшать его, то мы *должны* принять за исходный пунктъ для нашей дальнѣйшей дѣятельности порядокъ нын существующій, не ожидая лучшихъ временъ, не ставя никакихъ условій Однимъ словомъ, тотъ порядокъ, который есть, мы должны признать.

Чувствуемъ, какъ непріятно звучитъ это слово, но утверждаем что оно вѣрно.

Мы болѣемъ надъ школой, которая служитъ лишь орудіемъ обрусѣнія, надъ гражданской нашей неравноправностью, надъ беззастѣнчивым ничѣмъ не сдержаннымъ произволомъ чиновниковъ. Но развѣ справедливость жалобъ нашихъ, развѣ уясненіе самимъ себѣ всей многосторонне плачевности нашего положенія, во всѣхъ его частностяхъ, способны улучшить это положеніе, открыть предъ нами исходъ?

Не требуется отреченія отъ народности и естественныхъ ея правъ необходимо лишь руководиться политическимъ смысломъ и выбиться н ту единую тропинку, по которой, ставя ногу за ногой, возможно выйт изъ нынѣшняго упадка и униженія. Правда, тропинка эта крута, узка скользка и взбираться по ней тяжело; но одна она можетъ отвесть нас отъ пропасти, къ какой ведутъ пути иные.

Самая упорная, но лишь отрицательная оппозиція противъ то школы, которая занимается политикой, вмѣсто того, чтобы учить, противъ исключительныхъ законовъ и произвола чиновниковъ, ничего из всего этого не измѣнитъ. Какъ бы эта оппозиція ни была права в смыслѣ логическомъ и нравственномъ, она политическаго значенія н имѣетъ, ибо ни къ чему привесть не можетъ. Дѣло не въ справедливости нашихъ мотивовъ, но въ реальной пользѣ для общества.

Если мы согласимся, что лояльное отношеніе къ государству необходимо для насъ во всѣхъ отношеніяхъ — а не согласиться съ этимъ нѣтъ возможности — то намъ слѣдуетъ начать съ признанія существующаго порядка и это признаніе принять за исходную точку для будущей дѣятельности. Сдѣлать это мы должны не въ видѣ благодарности правительству за уступки, но просто по необходимости для насъ самихъ. Удовлетворительное отношеніе наше къ государству можетъ быть нужно, полезно и для него, но для насъ оно необходимо.

Бѣда учитъ разуму и несчастіе побуждаетъ къ пожертвованіямъ. Подчиниться созданнымъ неволею условіямъ, признать ихъ — дѣло непріятное, но неизбѣжное. Это — порогъ, котораго миновать нельзя, коль скоро независимости мы пріобрѣсть не можемъ. И еслибы положеніе улучшилось ранѣе, чѣмъ мы перешагнули черезъ этотъ порогъ, то тотъ непріятный шагъ могъ бы еще откладываться нами со дня на день, а благопріятныя условія опять были бы потеряны. Вѣдь въ прошломъ были же случаи, когда мы могли переступить тотъ порогъ, при гораздо болѣе легкихъ условіяхъ, однакожъ мы того не сдѣлали и положеніе наше постоянно ухудшалось. Но еслибы благопріятная перемѣна была хоть отчасти вызвана собственными нашими отношеніемъ и дѣятельностью, въ такомъ случаѣ мы бы лучше съумѣли и воспользоваться улучшенными условіями.

Доселѣ мы въ дѣйствительности живемъ какъ бы внѣ государства, находясь лишь въ механической связи съ нимъ. По чувствамъ, стремленіямъ и пріемамъ, мы и настоящіе члены государства, это — два міра, взаимно вполнѣ чуждые и часто — прямо враждебные. Но для того, чтобы мы могли сколько-нибудь вліять на нашу судьбу, мы должны войти въ органическую связь съ государствомъ и чѣмъ скорѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ будетъ лучше. Въ настоящее время это государство носитъ на себѣ черты русской *исключительности,* такъ какъ одни только русскіе думаютъ о его нуждахъ и работаютъ для нихъ. Если же мы, такъ сказать, органически вступимъ въ государственную жизнь, станемъ солидарны съ стремленіями государства, будемъ работать для увеличенія его силъ внутреннихъ и внѣшней, примемъ участіе въ стараніяхъ объ улучшеніи его училищъ, судовъ, его условій экономическихъ и т. д., то государство тѣмъ самымъ утратитъ свой анти-польскій характеръ и въ его собственномъ интересѣ будетъ лежать удовлетвореніе нашихъ народныхъ потребностей. Вѣдь въ интересѣ государства не можетъ же быть, чтобы десятокъ милліоновъ его подданныхъ считали свою принадлежность къ нему несчастіемъ и чувствовали себя чуждыми по отношенію ко всѣмъ его предпріятіямъ и усиліямъ.

Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Польшѣ и русскимъ не можетъ представляться удовлетворительнымъ. Вѣдь цѣлью дорого стоившаго покоренія не могло же быть только созданіе извѣстнаго числа административныхъ должностей и синекуръ.

При добрыхъ нравственныхъ отношеніяхъ, Польша могла бы, по самому своему географическому положенію, своей близости къ Западу,

быть для Россіи полезной передовой позиціей. Сверхъ того, полякам никто не откажетъ въ способностяхъ, нѣкоторыхъ нравственныхъ ка чествахъ и извѣстной долѣ наслѣдственной культурности. Какъ сотруд ники въ жизни государства они могутъ приносить пользу. Наоборотъ еслибы управленіе Польшею предполагало постоянный отливъ изъ Россіи извѣстнаго количества интеллигентныхъ силъ, да пожалуй еще посе ленцовъ изъ Россіи — въ край и безъ того густо-населенный, т Польша, очевидно, оставалась бы для государства лишь безплодным бременемъ.

Даже и заклятый врагъ не можетъ не признать за русскими поли тическаго смысла. Это ихъ несомнѣнный даръ и онъ-то подаетъ на дежду, что нынѣшняя, бѣдственная политика въ Польшѣ не будетъ про должаться вѣчно. Политика эта истекла изъ увлеченія, шла все далѣ безъ оглядки и наконецъ вступила прямо на путь обрусѣнія Польши Это и намъ затрудняетъ занять удовлетворительное для государства по ложеніе, и ему самому мѣшаетъ возвратиться къ какой-либо опредѣлен ной мѣрѣ въ дѣйствіи и къ цѣли практически достижимой. Но когда нибудь это кончится — ошибка слишкомъ очевидна.

Если мы своимъ образомъ дѣйствій не будемъ давать пищи анти польскимъ увлеченіямъ, то руководители государства рано или поздно придутъ къ сознанію, что никакихъ результатовъ обрусѣніе не имѣетъ и имѣть не можетъ, что русскихъ въ Польшѣ всегда будетъ лишь ровно столько, сколько въ нее механически натыкано чиновниковъ, что народ невозможно преобразить въ другой народъ, а одними полицейскими пріе мами не мыслимо совершить какое-либо крупное общественное или по литическое дѣло.

Россіи нѣтъ никакого истиннаго повода весть въ Польшѣ политику истребительную. На этомъ пути ни къ чему прійти нельзя. Такая политика могла представляться какъ меньшее изъ двухъ золъ, въ виду враждебнаго отношенія польскаго общества, она могла прійтись по вкусу ослѣпленнымъ фанатикамъ; но когда наше настроеніе по отношенію къ государству и нашъ образъ дѣйствій измѣнятся, когда въ насъ ненависть къ законамъ уступитъ мѣсто политической разсудочности, то исчезнетъ даже и внѣшній призракъ необходимости и пригодности употребляемыхъ нынѣ пріемовъ.

Весьма вѣроятно, положимъ, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ админи стративныхъ лицъ даже и тогда будутъ, въ цѣляхъ эгоистическихъ убѣждать центральную власть въ необходимости постоянной репрессіи но дѣло въ томъ, что въ голосѣ ихъ тогда уже не будетъ даже и то малой доли правды, какая есть теперь. На лжи нельзя построить ни чего прочнаго.

Даже и враждебная намъ русская печать оправдываетъ исключитель ные законы и строгость властей въ Польшѣ необходимостью такихъ средствъ для поддержанія порядка. Но въ тоже время и печать эта понимаетъ пользу, какую извлекла-бы Россія, если-бы отношенія измѣнились. Самая вліятельная и рѣшительно намъ несимпатизирующая газета «Новое Время

оворила недавно: «искреннее примиреніе двухъ братнихъ племенъ (рус-жаго и польскаго) составило бы эпоху міроваго значенія, могло-бы юслужить новой эрой въ исторіи нашей и всего славянства».[1]

Признаніе обѣими сторонами общей пользы одно только и можетъ юслужить вѣрнымъ обезпеченіемъ добрыхъ отношеній, всякіе же иные разсчеты обманчивы. Хотя мы и имѣемъ глубокое убѣжденіе, что ука-ываемый здѣсь путь лучше всѣхъ другихъ и долженъ быть принятъ ашимъ народомъ, независимо отъ того, какъ будетъ дѣйствовать русское правительство сегодня и завтра, кого оно пришлетъ въ Варшаву, осла-битъ-ли нынѣшнее притѣсненіе, или его еще усилитъ, но тѣмъ неменѣе, ы считаемъ вполнѣ вѣрнымъ, что измѣненіе отношеній къ государству есятка милліоновъ его подданыхъ должно произвесть соотвѣтственный результатъ.

Какъ Россія, ведущая въ Польшѣ политику истребленія, такъ и поля-ки[2], оставаясь непримиримыми по отношенію къ государству, стремят-ся къ цѣлямъ, которыя достигнуты быть не могутъ; значитъ, оба на-рода только взаимно себѣ вредятъ. А стало быть, обоимъ имъ слѣдуетъ когда-набудь сойти съ такого пути.

Но это, конечно, дѣло не легкое. И намъ, и имъ предстоитъ при этомъ долгая и непріятная работа. И единичному человѣку не легко преодолѣть въ себѣ предразсудки и дурныя привычки; тѣмъ болѣе это трудно для народовъ, которые дѣйствуютъ подъ вліяніемъ импульсовъ историческихъ. Надо много доброй воли, смѣлости и настойчивости не только, чтобы довести такое дѣло до конца, не даже и для того, чтобы сообщить ему первый толчокъ, пустить это дѣло въ ходъ. Противниковъ примирительнаго направленія немало и среди ихъ, и среди насъ.

Немалымъ притомъ затрудненіемъ представляется свойственная намъ нетерпѣливость: если возникшая мысль не осуществляется тотчасъ же, то это раздражаетъ насъ. А въ данномъ дѣлѣ только настойчивость и можетъ обезпечить успѣхъ. То, что было сдѣлано поколѣніями и передѣлано можетъ быть лишь рядомъ поколѣній.

Особой опасностью представляется такое обстоятельство, что разные случаи могутъ снова возбудить страсти, которыя однажды подчинилъ себѣ разсудокъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ довѣрія, каждый шагъ другой стороны, ненравящійся намъ, можетъ вызвать забвеніе принятаго рѣшенія. Даже если большинство приметъ нашу постановку вопроса, а именно, что дѣло не въ заключеніи соглашенія, но въ собственномъ нашемъ образѣ дѣйствій — всетаки, каждый фактъ, въ которомъ усмотрятъ доводъ, что прави-тельственная система не измѣнилась, будетъ вызывать нареканія и даже недовольство занятымъ положеніемъ.

---

[1] Слова эти передаемъ по польскому тексту. *Прим. пер.*

[2] Для краткости мы вездѣ употребляли названія: «Россія» и «поляки»; но изъ содержанія читатель, конечно, видитъ, что мы разсуждаемъ не о Россіи и Польшѣ, а собственно о положеніи поляковъ въ русскомъ государствѣ. *Прим. автора.*

Съ русской стороны, въ оправданіе нынѣшней системы, часто приводится фактъ, котораго отрицать нельзя, а именно — что мы не любимъ всего русскаго. Такой упрекъ мы нашли даже въ представленномъ верховной власти докладѣ одного изъ бывшихъ генералъ-губернаторовъ относительно общаго настроенія умовъ въ Царствѣ Польскомъ. Но развѣ же это не представляетъ совершенно невѣрной постановки вопроса? Гдѣ же та причина, въ силу которой мы могли-бы любить все русское? Принудить себя къ любви невозможно. Самозарожденія нѣтъ какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческой привязанности. Основой и началомъ перемѣны въ дѣйствіяхъ можетъ быть лишь *интересъ*. Чувства пріязни могутъ явиться только какъ послѣдствіе, но не какъ причина. Да и во всякомъ случаѣ, проявятся они не такъ еще скоро. Истинно государственный умъ никогда-бы не сослался на такой аргументъ, какъ отсутствіе любви. Онъ могъ бы самъ дѣйствовать такъ, чтобы возбудить ее, но не сталъ бы требовать ея тамъ, гдѣ отношенія прямо сложились подъ вліяніемъ взаимной ненависти и насилій ею внушенныхъ. Повсѣстъ, государство можетъ требовать отъ насъ только лояльнаго образа дѣйствій, но никакъ не — чувствъ.

Замѣтимъ еще въ заключеніе, что въ столь щекотливомъ и трудномъ дѣлѣ нельзя сразу разсчитывать на единомысліе, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. И здѣсь, и тамъ начало должно быть положено избранными людьми, вѣроятно даже не многочисленными. Весь вопросъ — въ томъ, удастся-ли имъ хорошо приняться за это дѣло и повести его далѣе. Если начало удастся, то окончательный успѣхъ его обезпечится самой силою вещей.

Такое доброе начало должно выйти — отъ насъ, хотя бы только по той причинѣ, что перемѣна наиболѣе необходима именно намъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благѣ народа и его будущности слѣдуетъ загнушить въ себѣ нашептыванія нашего самолюбія. Соображенія о народномъ достоинствѣ здѣсь не на мѣстѣ, такъ какъ прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ вида, что мы не предполагаемъ ставить никакихъ условій и пожеланій, не являемся съ политическимъ попрошайничествомъ но предполагаемъ такую перемѣну въ дѣйствіяхъ, которая *для насъ*, для насъ самихъ безусловно необходима.

Варшава въ маѣ 1896 г.

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.